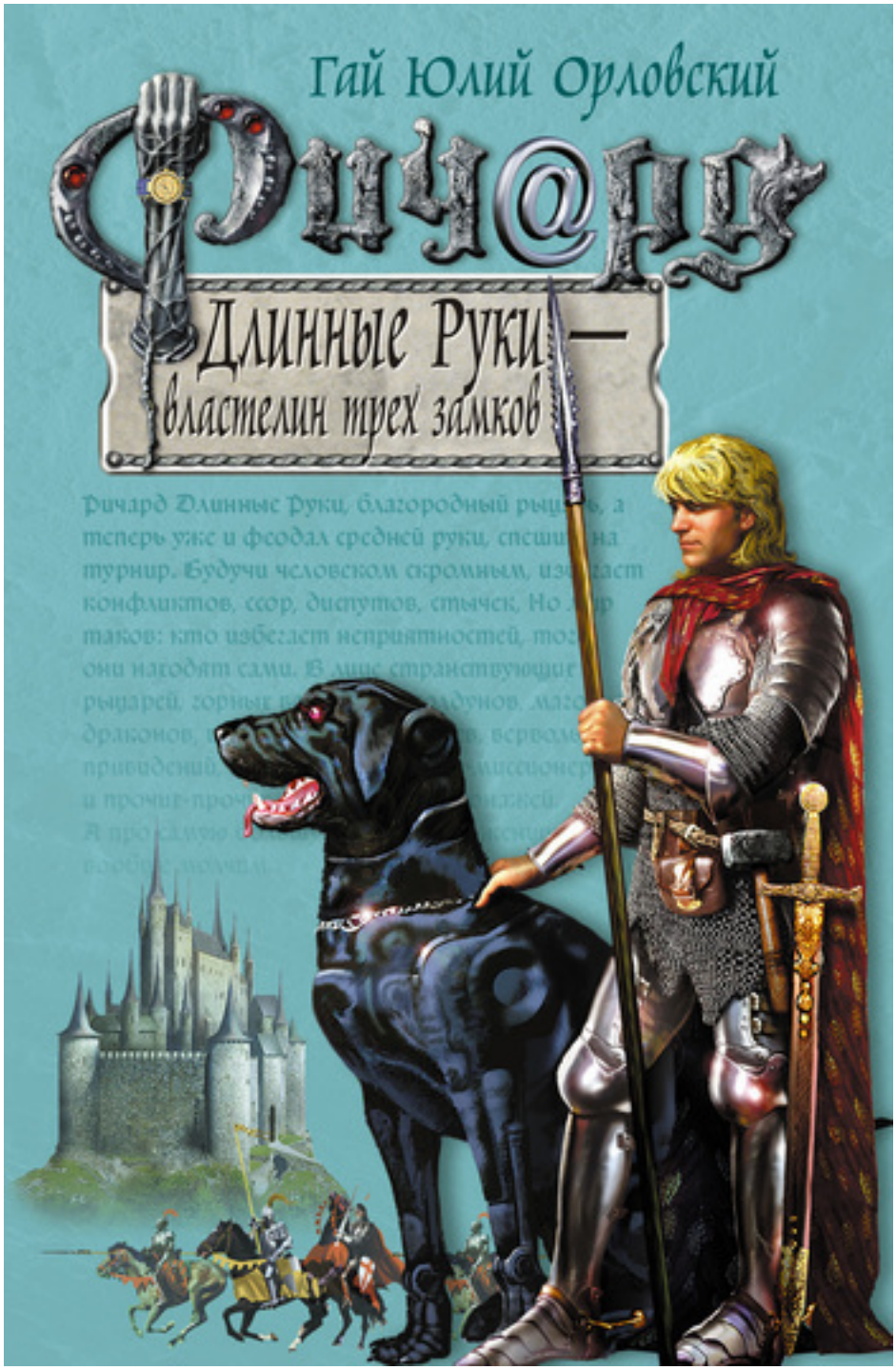
Гай Юлий Орловский
Ричард
Длинные Руки —
властелин трех замков

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки – властелин трех замков

«Эксмо»

2004

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – властелин трех замков /
Г. Ю. Орловский — «Эксмо», 2004 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 5-699-08177-1

Ричард Длинные Руки, благородный рыцарь, а теперь уже и феодал средней руки, спешит на турнир. Будучи человеком скромным, избегает конфликтов, ссор, диспутов, стычек. Но мир таков: кто избегает неприятностей, того они находят сами. В лице странствующих рыцарей, горных великанов, колдунов, магов, драконов, волшебников, чародеев, вервольфов, привидений, кобольдов, монахов-миссионеров и прочих-прочих интересных персонажей. А про самую большую опасность, женщин, вообще молчим.

ISBN 5-699-08177-1

© Орловский Г. Ю., 2004
© Эксмо, 2004

Содержание

Часть 1 5
Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 16
Глава 4 23
Глава 5 30
Глава 6 36
Глава 7 42
Глава 8 47
Глава 9 54
Глава 10 60
Глава 11 66
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные Руки – властелин трех замков

Часть 1

Глава 1

Через все небо протянулось гигантское оранжевое облако, край блестит красным, ощущая близкий закат, над ним еще три, помельче, такие же вытянутые; кажется, гигантская кисть одним небрежным движением чиркнула по небосводу, и сердце сжимается в тоске от масштабности: облако от горизонта до горизонта, для божественной руки один мазок, один взмах, а мне ехать и ехать сотни миль…

Зайчик, красиво выбрасывая ноги в сторону, промчался у самого края небольшого лесного озерка. В тихой воде на мгновение отразился гордый рыцарь в блестящих доспехах, меч справа у седла, щит слева, с плеч красиво ниспадает белый плащ с огромным красным крестом. Конь великанский, черный, настоящий боевой жеребец.

Я с величайшим сожалением оглянулся на громаду замка Амальфи. До чего же обидно уезжать, так и не поняв, что хотел призрак, указывавший на черного всадника за таинственной дверью, и кто он вообще, почему металлическая статуя по ночам оживает и разъезжает черт-те где… хотя вряд ли оживает, разве на живой осталась бы от первой встречи с моим молотом только крохотная вмятина?

Да и вообще не разобрался до сих пор, почему коридоры то короче, то длиннее, влияют ли на это фазы луны или другие факторы, уж я-то мог бы понять больше, чем местный народ, но… турнир состоится ближе к Югу, а главное – приедут рыцари с таинственных южных земель.

Еще так и не воспользовался сладким правом тетравленда, обидел Гортензию… или как ее там… ах да, леди Гервену. Оставил в недоумении, сидит теперь как на иголках, не знает, каков ее статус. А всего-то для ее спокойствия надо было позволить ей разок постелить мне постель и лечь рядом. Она ведь хороша, хороша…

Я вздохнул, что-то воображение разыгралось. Наверное, съел что-нибудь. Слишком много мяса со жгучими специями. Вот так буду всю дорогу о бабах думать, а ночью Санегерийя потешится.

– Погоди, – велел я Зайчику, – мы уже далеко от замка, пора снять галстук.

Не покидая седла, начал снимать плащ, шлем, с панцирем так извертелся, что едва не рухнул на землю, слез и продолжил складывать в кучу металлические пластины с рук, ног, с наслаждением снял и бросил сверху кольчугу. Зайчик следил внимательно, в багровых глазах мне почудилось сочувствие.

Мешок, в который мне натолкали всего-всего, тщательно перебрал, половину оставил на земле, взамен сложил доспехи и плащ, стараясь уложить покомпактнее, словно турист, планирующий пройти с рюкзаком всю восточносибирскую тайгу. Слуги по моему заказу в перерыве между судебными заседаниями положили жареного мяса, сыра и хлеба.

Еще я проверил оба мешка, не положил ли Гунтер тайком кольчугу с едва заметной меткой Лавинии. И хотя кольчуга выглядит просто невесомой, но, как объяснил монах, получила благословение самого прелата Войтыллы, потому ее не пробить копьем, мечом или топором,

не просечь стрелой из лука или арбалета. К тому же всякий, кто носит ее, не знает усталости, ему не требуется сон, а слышит ее обладатель намного лучше любого, чует запахи, как волк…

Я вздохнул, кольчуга осталась в Амальфи, от Лавинии у меня ничего быть не должно. Зайчик терпеливо ждал, когда привяжу мешок за седлом. Я собирался вскочить, потом решил опустошить мочевой пузырь, раз уж на земле, подошел к ближайшему дереву, за спиной смачный хруст, это Зайчик жрет молодые веточки.

В кустах промелькнула быстрая тень. Я насторожился, левой рукой дотянулся до пояса и пощупал рукоять молота. На прогалину вышла, не сводя с меня пристального взгляда жутких красных глаз, огромная черная собака. Она напоминала ротвейлера, даже кана-корсо по размерам, но расцветка ближе к ротвейлеровской, разве что нет коричневых пятен… просто черная от кончиков ушей до ног, гладкошерстная, в породах я не очень-то разбираюсь, без всяких там белых чулочков или носочков и белых звездочек на лбу или груди, как всегда добиваются собаководы.

Пес рассматривал меня, как кот рассматривает дичь, пасть приоткрылась, там как жерло огненной печи, я услышал приглушенное рычание. Остроконечные уши слегка прижались к голове, признак, что вот-вот бросится.

– Ну что ты, – сказал я нервно, – собака – друг человека… А паладин – тоже человек, хоть и со странностями! Ну что ты рычишь? Ты должен вилять хвостом…

Рычание стало громче, пес слегка присел, мышцы стали рельефными, как в атласе анатомии, где показывают с содранными шкурами. Холодея, я присел и похлопал в ладоши. У собак инстинкт подбежать к человеку, который присел то ли завязать шнурок, то ли покопаться в сумке. Так подманивают непослушных собак, что, заигравшись, не хотят возвращаться домой или подходить к хозяину.

– Меня есть нельзя, – сказал я как мог ласково и почти не дрожащим голосом. – Кошка – вот самый полезный корм! В кошке все сбалансировано. Рекомендации лучших собаководов!.. Хотя, конечно, можно есть и всяких там демократов.

Рычание стало тише, пес смотрел с недоумением. Повернул голову набок, потом на другой, всматриваясь в существо, что не ринулось прочь с диким криком.

– Хорошая собачка, – сказал я льстиво. – Хорошая, хорошая, красивая… Ты просто светишься здоровьем, хоть и не чернобыльская сторожевая…

Пес сделал в мою сторону пару шагов, в горле рычание становилось то громче, то тише. Я похлопал ладонью по земле, все так же сидя на корточках и глядя ей в глаза. Если отведет взгляд, то ты победил. Смотреть надо вот так, не моргая и продолжая разговаривать, это гипнотизирует, подчиняет. Собаки, как и женщины, должны чувствовать сильную руку и доминирующую мощь.

– Или сюда, песик… Что женщина делает сидя, мужчина стоя, а собака – поднимая лапу? Правильно, здоровается. Иди и дай мне лапу… Я знаю, что собака Баскервилей – это Муму, которая выплыла, но я не Герасим, чесс слово!

Пес подошел и остановился в двух шагах. Я сел на землю, сердце колотится как бешеное, кровь прилила к лицу, я все еще похлопывал по земле.

– Иди сюда, иди!.. Хороший пес, хороший…

Пес сделал еще шаг, мне стало совсем жутко, горячий воздух из раскрытой пасти жжет лицо, пес дышит часто, словно бежит вверх по лестнице.

И тут я сказал строго и властно:

– Сидеть!

Пес бухнулся толстым задом на землю, мгновение смотрел на меня ошалело, тут же вскочил, зарычал. Я вскрикнул осчастливленно:

– Молодец, хорошо!..

И снова он не сумел преодолеть рефлекс внедренной команды, подставил голову для поощрения. Я тут же почесал за ушами, по спине и, самое главное, спину в том месте, где все собаки мечтают почесаться, но не могут: ближе к репице хвоста.

Рычание становилось глуше, багровый огонь постепенно угасал, а когда я закончил чесать, пес пару раз двинул хвостом из стороны в сторону и посмотрел на меня с немым вопросом в больших неглупых глазах.

– Мы сейчас закрепим союз, – сказал я, надо в самом деле закреплять, двигаться, говорить, не давая собаке выйти из состояния гипнотической подчиненности. – Я не собирался останавливаться, но… что ж, перекусим, я расскажу, куда еду, а ты расскажешь свою историю… вообще всех, кого напугал, кого оставил заикой…

Я вытащил из мешка мясо, сыр, хлеб, отламывал куски и бросал псу. Тот ловил и сжирал, словно мух, я похваливал, бросал снова, приучая к тому, что действую я, а он реагирует, мы дружим, но старший – я. Собаки – звери стайные, у них в крови подчинение более сильному и властному, на этом держится стая.

– Тебя все называют Черным Псом, – говорил я тем же благожелательным тоном. – Но это все равно, что называть меня человеком или даже рыцарем. Ты и есть пес черной окраски. Правда, не думаю, что у кого есть еще такой… во всяком случае, не видел ни в Амальфи, ни в Амило, ни даже у Тудора, а там вообще помешанные собачники…

Он сел на задницу и внимательно слушал, слегка наклоняя голову то в одну, то в другую сторону. Я тоже сел и осторожно поднес кусок сыра к своим губам. Пес смотрел внимательно, но ни рычания, ни багровости в глазах. Я с облегчением проглотил сыр, почти не жуя, остальное бросил псу – заслужил за выдержку, – поднялся.

– Молодец, хорошо… Хороший пес! Думаю, не стоит тебе здесь оставаться, пугать народ. А то у них и коровы из-за тебя не доятся, и куры не несутся, и вообще повышенный спрос на женьшень… ну, ты понимаешь.

Он так же внимательно смотрел, как я ухожу, я повернулся, хлопнул себя по бедру и сказал повелительно:

– Ко мне!

Пес сорвался с места и в мгновение ока оказался рядом. Правда, не у левой ноги, как учат в школах, но здесь, возможно, другие правила. Были.

– Хороший пес, – сказал я в который раз, погладил, почесал, за все выполненные команды надо хвалить, чтобы пес в следующий раз выполнял с еще большим рвением. – А теперь познакомься с моим Зайчиком… Не пугай его… и сам не пугайся.

Зайчик нервно заржал, переступил с ноги на ногу, даже оскалил зубы, а пасть у него побольше, чем у любого пса. Пес тоже слегка зарычал, но я продолжал говорить ласково и властно, в конце концов оба успокоились, я вставил ногу в стремя, пес бесстрастно наблюдал за моими действиями.

– Пойдешь со мной, – сказал я. – Не думаю даже, что вот так возьму тебя и брошу, как только отведу от своих владений, а я, чтобы ты знал, сэр Ричард Длинные Руки! Да еще и де Амальфи, а с сегодняшнего дня так и вовсе де ля Амальфи, а это, я тебе скажу, уже что-то в этом мире, заносчивом и в то же время готовом кланяться всем, кто выше…

Черный Пес бежал поблизости, в собачьем взгляде я иногда ловил непонимание: как это вдруг он в подчинении у незнакомца и почему вдруг сопровождает, но из-под лап то и дело вышмыгивали ящерицы, над головой пролетали громко каркающие птицы, и в конце концов он, похоже, принял как истину, что все трудные вопросы решаю я, а ему достается счастливое избавление от забот по принятию решений.

Зайчик идет неспешной рысью, это для пса, кто знает, каков он в беге, проверим пока на время и выносливость, да и вообще не забудет ли, что отныне у него вновь хозяин. Однако у пса, видимо, что-то переключилось в мозгу, в его простом сознании не может уместиться

мысль о человечьем коварстве, для него все стало ясно и просто: хозяин – я, на мне теперь все вопросы выживания и обеспечивания стаи, а он наконец-то может вволю носиться вокруг просто так, кувыркаться в цветах, гонять птиц.

Они явно дразнили его, перелетая с ветки на ветку и садясь рассчитанно низко, но так, чтобы чуть-чуть не мог допрыгнуть. Я некоторое время любовался прыгучестью, просто кузнечик, а не пес, и тут пришла мысль, что я так ни разу не видел, чтобы пес мочился на деревья или горбился, выдавливая экскременты.

Сперва подумал, что просто не обратил внимания на такую привычную деталь, ведь не приходится же выводить из городской квартиры и подолгу искать место на клумбе или на краю газона, рискуя навлечь укоры со стороны прохожих и ругань дворника, здесь все сам, а у меня других забот хватает…

Однако весь остаток дня пес ни разу не отметился у деревьев или кустов, не сообщил местным зверям, что он здесь, принимайте или бросайте вызов, но вот его автограф, даже полный аттестат с данными о поле, возрасте, мускульной массе и здоровье.

Если это так, хотя такое кажется диким, то пес не результат какой-то мутации и даже не выведен на генетическом уровне, а, как тогда Рихтер сказал, «создан». А создать можно так, что все остатки будут либо сжигаться во внутренней топке, это беру простейший варварский вариант, либо разлагаться на молекулы и уходить, так сказать, паром, а то и вовсе утилизироваться. Это уже тот уровень, при мысли о котором начинает кружиться голова, но разве Дмитрий Донской не одурел бы, стараясь понять, что за чудовище раскинулось на землях его Москвы и что за миллионы железных чудовищ носятся по странным дорогам, напоминающим застывшие реки?

– Бобик, – позвал я дрожащим голосом. – Бобик…

Пес прервал игры и моментально оказался передо мной: огромный, черный, массивный, но чем-то неуловимо напоминающий щенка. Да, кто-то обожает левреток и пекинесов, кто-то карликовых бульдогов, а другие, напротив, выбирают собак самой крупной породы, а в ней выискивают самого крупного щенка.

– Бобик, – сказал я просительно, – ну что тебе стоит взять и рассказать все о себе? Заполнить, так сказать, налоговую декларацию?.. Эх, все молчат о своих доходах и способах зарабатывания на жизнь… Ладно, беги, играй…

Он тут же убежал, а я постарался систематизировать, что уже знаю. Бегает быстрее любой собаки, проверено, кроме того, откликается, как бы тихо я ни позвал, уже проверил. Не гадит, это и понятно: создавали для своих удобств, а не для собачьих. Но наверняка умеет что-то еще…

Пес унесся было далеко вперед, затем спохватился и пошел сбоку, поглядывая на нас, а когда уверился, что не собираемся поворачивать обратно или резко менять направление, снова ушел, стелясь над землей, как бегущая тень от облака.

Я поглядывал вслед обеспокоенно, у нас человек отвечает за собаку, даже если та просто потопчет цветочки на клумбе. А этот Бобик может и тигру, если не понравится, оставить без хвоста и ушей. В села или города с собой не поведешь – народ начнет разбегаться… С другой стороны, кто знает, вдруг да о его зловредности – бабьи сказки. Все, что могу вспомнить, – это как после встречи с этим Черным Псом случаются всякие несчастья, но не могу припомнить, чтобы он кого-то разорвал или загрыз.

Ближе к полудню, когда проголодался, да и наскучила однообразная скачка, я остановил коня в удобном месте под двумя раскидистыми деревьями – ручеек, пригорок, – расположился со снедью. Пес сел напротив и молча наблюдал, как я разворачиваю скатерть.

– Время обеда, – объяснил я, – пусть даже ленча, мне все равно. Неграмотные, когда не знают правильно, говорят просто: трапеза. Вот мы и того, потрапезничаем…

Чтобы не томить, я сразу бросил псу увесистый кусок жареного мяса, а потом сыра. В другой раз, когда привыкнет, буду приучать, чтобы сидел или лежал, пока я жру, а сейчас поедим на равных.

На равных не получилось, он проглотил сразу и посмотрел на меня честными глазами, мол, ничего не ел, сроду не видел никакого мяса или сыра, но я погрозил пальцем.

– Хитришь? Это хорошо… Значит, понимаешь, что отнимать у сеньора нельзя. Ты теперь мой вассал, а я твой сюзерен…

Треск в кустах прервал мое объяснение структуры феодальных отношений. Я поспешно оглянулся, другой рукой нащупывая меч. Через лес в нашу сторону неторопливо бредет коричневая гора, настоящая горилла, с той лишь разницей, что ветви деревьев отстраняет огромной, как бревно, лапищей, а пни и кустарники разбивает палицей размером с половинку фонарного столба.

– Этого еще не хватало, – пробормотал я и пригнулся. – Такого мордоворота угощать не собираюсь… Бобик, тихо! Может быть, пройдет мимо.

Тролль похож на гигантскую гориллу и одновременно – на человека, разве что плечи переразвиты, как у Ронни Колмэна. Да и вообще он похож на Ронни Колмэна, только повыше и с виду поинтеллигентнее, что вообще-то нетрудно, если кто помнит Ронни Колмэна… Я надеялся, что он пройдет мимо, нет во мне азарта бросаться на все, что движется, это рефлекс богомолов, лягушек да рыцарей, а я из того мира, где даже педофилов и демократов принято считать людьми, однако тупой, как мистер Олимпия, тролль заревел и пошел на меня, угрожающе размахивая дубиной.

Бобик зарычал, я сказал властно:

– Сидеть!

Пес с неохотой, но опустил зад на землю. Я воспрянул духом, хотя жуткий низкий рык по-прежнему рождается в горле моего пета. Красные глаза враждебно следят за приближающимся троллем.

– А теперь отступим! – велел я. – За мной!

Я быстро взобрался в седло, мы в десяток конских прыжков очутились за сотню шагов. Пес с огромной неохотой бежал за мной, в глазах сильнейшая обида и немой укор. Даже, как мне показалось, сомнение в моей способности противостоять злу.

Мои пальцы стиснули рукоять молота.

– Сидеть, – велел я псу. Он сел, глядя на меня вопросительно. Я повернулся в седле, тролль упрямо прет за нами, не понимая, что в любой момент можем оказаться вне досягаемости его лап. – А вы, сударь, вышли, как я понимаю, за пределы заповедника, так что можете рассматриваться как дичь или даже как помеха дорожному движению. Весьма интенсивному в это дневное время… Зачитываю ваши права…

Тролль, обнаружив, что мы убежали не так уж и далеко, зарычал и пошел быстрее, тяжело топая широкими, как ноги слона, ступнями. Дубина в его руке начала описывать круговые движения над головой.

– Что за дурак, – пробормотал я. – Не понимает, что я на быстроногом коне, а зеленых здесь нет. Ладно, поработаю орудием эволюции. Она же рука Провидения, Божьего Замысла и все такое.

Молот вырвался из ладони с привычным хлопаньем, удар, треск костей, в синем небе мелькнула бешено вертящаяся ручка. Я вскинул длань, хлопок в ладонь, а тролль еще некоторое время стоял с проломленной грудью, кости пронзили сердце и высунулись из спины. Затем ноги подогнулись, он тяжело рухнул вниз лицом.

– Молодец, – громко сказал я псу, – ты вел себя очень хорошо! Хорошо, это когда слушаешься меня, понял? Запомни, без моей команды и впредь не бросаться! Запомнил?.. Дай я тебя почешу за послушание…

Пришлось слезать, долго чесал, а еще и скормил два куска мяса со специями, что за странный пес, так жрет жареное, тоже мне хыщник. Пес блаженно щурился, морда счастливая. У широкомордых собак, особенно у боксеров, ротвейлеров, морды очень выразительные, так вот по этой морде я увидел, что пес уже принял безоговорочно, или почти безоговорочно, что вожак нашей небольшой стаи – я, все проблемы на мне, а ему надлежит только поддерживать меня везде и во всем… когда позволю.

Еще немного я опасался, что пес восхочет потерзать убитого противника, но, когда он в самом деле направился к троллю, я властно сказал «нельзя», он остановился и, повернув голову, посмотрел на меня с вопросом в глазах. Подозвал к себе, он подбежал ленивой трусцой действующего президента в разгар предвыборной кампании, я похвалил, погладил, торопливо влез в седло и пустил Зайчика рысью.

Пес побежал рядом, я с облегчением перевел дух.

– Ты умный пес, – сказал я громко и уверенно, чтобы он привыкал к моему голосу. – Я – умный феодал, а ты – умный вассал. А теперь посмотрим тебя в галопе…

В галопе он тоже орел: несется длинными прыжками, а когда я велел Зайчику нарастить скорость, пес лишь удлинил прыжки: могучие лапы позволяют бросать тело на расстояние, немыслимое для любой собаки.

Так неслись с полчаса, из-под копыт выскакивали мелкие звери и птицы, в конце концов не утерпел, достал лук Арианта, стрелы здесь особые, три выстрела, и три толстых зайца рухнули в траву, пронзенные стрелами.

Пес ринулся, как черная молния, мгновенно собрал всех трех и подбежал ко мне, глядя преданными глазами.

– Ага, – сказал я, – впишем в твой послужной список, что ты побывал и охотничьей собакой, а то даже охотничьим псом… Вот так и сократим последствия амнезии, как Стивену Сигалу.

С зайцами, подвешенными у седла, ехать как-то неудобно, то ли привязал не так, вскоре начал высматривать хорошее местечко для привала, чтоб и дерево пораскидистее, и ручеек, и травка помягче.

Пес посматривал с ожиданием, но молчит, не напоминает, что зайцев пора уже свежевать, что значит – отрезать голову и сдирать шкуру, а там дальше пьянка у костра, песни под гитару…

– Ты прав, – сказал я замученно, – что за несчастный я человек: конь готов с утра до вечера галопом, пес не отстанет, а у меня задница уже в синяках. Когда же омозолеет, как у черепахи? И ноги тогда станут, видимо, как у кавалериста.

Я слез, расставляя ноги, как Чингисхан, даже как Аттила, радуясь, что Зайчика можно не расседлывать, мой конь и не заметит тяжести седла, пес побегал вокруг дерева, полакал воды из ручья, а затем, сделав круг, как оса, что запоминает место свежевырытой норки, унесся к ближайшему лесу.

Вода ожгла ледяным холодом раскаленные, как в кузнечном горне, ступни, взвился пар. Я сцепил зубы, перетерпел, тут же блаженное чувство от пяток поднялось по голеням к коленям, заполнило прохладой натертые икры. Только теперь я ощутил, что зверски проголодался. Сперва я проголодался там, в седле, а теперь вот снова, немного ожив, ощутил, что голоден, как пес. Только тот унесся в лес, Зайчик с морковным хрустом грызет валуны, и только я должен разделывать, готовить…

К счастью, в мешке отыскался круг сыра, а также пара больших ломтей мяса, зажаренные тушки птиц. Слуги постаралась, хотя я строго предупредил, чтобы не запасали еды на неделю, у меня есть деньги, а останавливаться намереваюсь только в приличных гостиницах, где готовят хорошо. Но у сэра Лембита де Саккалы честные слуги: я им дал целую серебряную монету, и они добросовестно заполнили мешок едой – с хозяйского стола полмешка.

Глава 2

Зайцев я кое-как разделал, но шкур снимать не стал, как и выдирать внутренности. Пес внимательно следил за моими руками, мне в его честных коричневых глазах почудилось сомнение в моем умении красиво и правильно разделывать дичь.

– А я не очень-то и хотел, – заявил я нахально. – Это, собственно, для забавы. Чтобы тебе в пасть бросать кусками, понял? Лови!

Отрезанная голова полетела в воздух по направлению к псу. Он подпрыгнул, схватил на лету, послышался дробный хруст костей, пес сглотнул и выжидающе посмотрел на меня.

– Ничего себе, – сказал я ошарашенно, – ну и косте–дробилка у тебя!.. Тебе любые питбули на один кутний зуб… Ладно, давай лопай это все, а я лучше по-людски…

Насытившись сыром и свежим хлебом, я страстно возмечтал о чашечке кофе, крепкого и горячего, ноздри ощутили его сводящий с ума аромат, губы задвигались, подхватывая капли… и тут неожиданная мысль ударила в голову, как острая стрела. Я сосредоточился, старательно вообразил чашечку с горячим сладким и крепким кофе. Небольшую такую чашку, я из такой пил в теперь давние времена.

На траву плеснуло коричневым, я замер, запах кофе ни с чем не спутаю, неужели удалось, я же сам не верил, я же только страстно желал… действительно страстно…

Да бог с нею, чашкой, я ее держал тысячи раз, но так, видимо, не смог вообразить как надо, а вот кофе, субстанцию намного более сложную, сумел…

Кровь ударила в голову с такой силой, что едва не разломила, как острый нож спелый арбуз. Я поспешно схватил жестяную кружку, взгляд сосредоточен, кофе должен появиться в ней, горячий кофе, крепкий кофе…

С третьей попытки чашка внезапно потяжелела. Запах стал мощнее, насыщеннее. Я поспешно поднес к губам, обжегся, но отхлебнул с жадностью, даже не пытаясь проверить, то ли получилось. Запах не лжет, я привык слышать его из года в год, обжигающая жидкость потекла по пищеводу, мгновенно всасываясь, голова моментально очистилась, я словно стал лучше видеть, слышать, мышцы обрели упругость, а сухожилия стали толще.

– Спасибо, Тертуллиан, – прошептал я. – Мелочь, а приятно… Еще как приятно!

Я выпил три чашки, экспериментируя с крепостью и сладостью. Сердце колотится отчаянно, то ли перепил кофе с непривычки, то ли в самом деле все чувства обострились. Все-таки никогда я не видел так далеко, а сейчас могу рассмотреть вон на том дальнем дереве ползущего жука-оленя, солнце тускло блестит на полированных крыльях… Нет, это наверняка кофе так ударил в голову. Вон даже руки дрожат. То ли от жадности, то ли от перевозбуждения.

Еще пару часов мучился, пытаясь создать конфету, авторучку, наручные часы, шоколадку и много всякой разной чепухи, что приходила в голову, однако то ли во всемирной магической памяти нет таких предметов, то ли у меня не получается вообразить достаточно четко, а кофе сам по себе не столько прост, сколько узнаваем: все-таки кофейное дерево слишком знаменито, чтобы его не занесли во все каталоги, как ботанические, так и медицинские. Возможно, сработало даже не мое четкое представление вкуса напитка, а как раз то, что кофе пережил тысячи и тысячи лет, сохранился если не как подбадривающий напиток, то как реликт древних эпох…

Ободренный, я вернулся к тому, что уже умею: зажигал огонь силой концентрации и желания. Всякий раз это истощало так, будто встаскивал рояль на второй этаж. Куда проще, понятно, с помощью огнива, конечно, так и буду, но могут оказаться случаи, когда огнива не окажется. Или руки будут связаны. Так что я зажигал, затаптывал, переводил дыхание и снова зажигал.

Первое, что выяснил, никаких фейерверков и каскадов жаркого пламени – всего лишь слабый огонек. Если не окажется, чем ему кормиться, сразу же угаснет. Второе – расстояние. Лучше всего удается зажигать вот так: сидя на корточках, огонек вот здесь на сухих стебельках травы. Если поднимаюсь – уже труднее, в смысле мне тяжелее. На шаг от меня – еще труднее.

Максимальное расстояние – два шага. Сколько ни пытался подпалить сухие травинки в трех шагах, чувствовал только тяжесть, ноги слабеют, но огонька нет.

Заночевал на этом же месте, доэкспериментировался до поздней ночи. Впрочем, до турнира две недели, если со спутниками, а вот так на Зайчике, пусть и с псом, да за неделю управлюсь. Если не раньше. Так что запас времени есть…

Ночью явилась Санегерийя. Я торопливо выставил ладони.

– Погоди, погоди!.. Ты можешь сказать, как мне просунуть руку вслед за пальчиком в комнату магии?..

Она рассмеялась, покачала головой.

– Милый, а тебе дверью не отдавит пальцы?

– Но у меня получилось…

– Я знаю. Так получилось, что ты хорошо знаешь то, что есть… есть там…

– Где?

Она замялась, ее очертания на миг размылись, оттуда прозвучал голос:

– Не знаю… Там непонятное, огромное… но и это огромное – только шерстинка на лапке мухи, что на лбу огромного быка… Но там нашлось то, что знакомо и тебе… остальное же… прости, даже я не могу понять и представить… Милый, ты расстроен?

Я не успел ответить, на моих коленях оказалось ее горячее нежное тело. Я поспешно сжал ее в объятиях. Сочное и зовущее тело отозвалось сладким теплом, зов плоти слишком силен, я не гожусь в подвижники, моя плоть несмиряема, последовали сладкие толчки, Санегерийя тихонько рассмеялась, поцеловала в щеку и растаяла.

Некоторое время я находился в двух мирах: с Санегерийей в объятиях, и в то же время понимал, что лежу на куче веток, чтобы не застудиться от холодной земли, на месте костра дотлевают багровые угли, уже подернутые пеплом, приподнял веки и зажмурился от острейшей синевы безоблачного неба, воздух свеж и чист, как поцелуй Тургенева…

Жуткая мысль тряхнула меня с головы до ног и заставила шире распахнуть глаза. А если все вечернее приснилось, как вот Санегерийя, вдруг да насчет кофе только мечта, – я ухватил жестянку и сделал мысленное усилие, как будто вот сейчас создаю этот горячий, черный как деготь напиток, аромат бьет в ноздри…

Жестянка потяжелела, могучий запах ударил в нос и моментально прочистил мозг. Я вдохнул еще и, задержав ароматы в себе, сделал первый глоток. И ликование обрушилось с такой силой, что едва не пустился в пляс.

Оглянулся, похолодел. На том месте, где вчера лег Черный пес, а отныне мой черненький такой Бобик, разлеглась огромная псина неимоверно странной расцветки: серая, как овчарка, только с короткой шерстью. На спине и боках странные полосы, что как будто выходят за пределы тела и тянутся еще на пару шагов. Я протер глаза, пес лежит на двух толстых жердях, накрыв их мощной грудью и брюхом, это они проступили на его коже, тоже ставшей неотличимой от земли. Это я сбоку вижу его отчетливо, да и то больше по тени, но для пролетающего над нами ястреба я сижу у костра один-одинешенек, никого и близко, если не считать коня в двух десятках шагов…

– Ни фига себе, – проговорил я. – Это ж каким тебя педигреем кормили… Не поспешил ли я тебя назвать Бобиком? Все хамелеоны подохнут от зависти! Ну и мимикрист ты, братец, я чуть заикой не стал…

Пес открыл глаз, зевнул, пасть распахнулась все такая же огненная, алмазами блеснули длинные клыки и острые как бритвы зубы. Он рывком поднялся на ноги, я замер, а он мигом

оказался передо мной. Я искательно улыбнулся, он уперся лапами мне в грудь, я позорно завалился на спину, сверху нависла эта жуткая рожа, длинный горячий язык моментально облизал мне лицо.

– И я тебя люблю, – заверил я. – Давай почешу… вот так…

Он блаженно щурился, я чесал за ушами, поскреб спину, в голове – тысячи мыслей, наконец поманил его на зеленую траву, уложил и велел строго:

– Лежать!.. А теперь – хамелеонь! То есть хамелеонствуй… в смысле мимикрируй!.. Ну, сделай себя зеленым!.. Не понял? Сделай так, чтоб тебя не заметили!

Он долго не соображал, все пытался поиграть, стараясь понять правила новой игры, наконец вроде бы понял, затих и почти моментально весь стал не просто зеленым, но по всему телу пролегли стебельки, листочки, проступили сухие былинки, а на лапе расцвел игривый цветочек.

Я сказал торопливо:

– Молодец!.. Хорошо, молодец!.. Умница!.. Давай почешу… а теперь пойдем проверим еще…

Я уложил его у костра, где земля потемнела от копоти, пес послушно стал наполовину серым, а та часть, что на черном, также почернела, как будто обуглилась.

– Умница, – выдохнул я. – Молодец. Хорошо!.. Я люблю тебя, лапочка. И такой умненький, сразу схватываешь!..

Я осекся на полуслове. Шагах в двадцати от костра, наполовину скрытая кустами, брюхом кверху лежит огромная, похожая на гигантского крокодила ящерица. Толстая, с шипастой спиной, но белым нежным пузом, еще более нежным горлом, сейчас разорванным так, что голова почти отделилась от тела. От кончика хвоста и до носа не меньше, чем метров семь. Не ящерица, а гигантский крокодил, хотя по виду – ящерица. Кровь впиталась в землю, сейчас там лихорадочно копошились крупные жуки, то ли скатывая в комочки, то ли стараясь набросать земли сверху.

Холод пронзил меня с головы до ног. Я оглянулся на Зайчика, тот забрел в заросли и что-то ищет там, наверное, птичьи гнезда. Пес смотрит на меня с ожиданием.

– Молодец, – пролепетал я. – Молодец… хорошая собачка… Да, очень хорошая… Бог мой, я даже не думал, что хорошая настолько! Так ты еще и сторожить умеешь?.. Да что я, дурак, говорю… Собака сторожит всегда, без всякого приказа… Пес, ты же мне жизнь спас! Эта ящерица меня бы проглотила, как муху.

Я снова почесал, погладил, он блаженно щурил глаза. Все мы любим, когда нас чешут и гладят. Сколько ему, мелькнула мысль: месяцы или пара столетий? А то и тысячи лет? У собак нет ощущения времени, не знают, сколько хозяин отсутствовал: полчаса или неделю – и бросаются навстречу с такой неистовой радостью, словно не видели сто лет. Так что пес, возможно, бегает по лесам еще с очень давних времен…

Некоторое время я бросал палку, а когда он приносил, бросал как можно дальше, потом приучал сидеть, лежать, замирать, сторожить и все такое прочее, что вроде бы должны делать все городские собаки, за исключением бродячих. Пес всему обучался быстро, поразительно быстро. Настолько, что я заподозрил, что все это когда-то знал, даже знал и умел намного больше, но сейчас за чертову уйму времени одичал, растерял навыки, а из меня хреновый дрессировщик, тем более – реабилитатор.

– Завтракаем, – сказал я наконец, – и – в путь! Ты еще не передумал сопровождать меня? Ладно-ладно, это я так шутю, понимаешь? Ты только теперь не меняй цвет, беги таким же черненьким, так привычнее.

Часа два неслись по зеленой долине, очень мирной и цветущей, заприметили добротное село, дома из толстых бревен, все утопает в садах, пастух перегоняет на другое пастбище огромное стадо толстых ленивых коров, а от озера идут, важно гогоча, крупные белые гуси. С

поля, со стороны садов, двигаются вереницами женщины, донесся веселый смех. Многие едут на подводах, сидят на краях, свесив босые ноги.

Из домов за околицу выбегают подростки, молодые девушки, совсем редко – немолодые женщины. У всех в руках хворостины, им навстречу двигается, поднимая пыль, ленивое стадо, мычащее, помахивающее хвостами, овода и слепни пользуются последним моментом. Со смехом и веселыми криками разбирают скотину, отделяют, гонят домой. Иных коров, как я заметил, никто не встретил, эти дорогу знают и двигаются прямо домой, там толчок лобастой головой в калитку, а дальше знакомый хлев, тихий и защищенный.

На телегах везут бревна, пойманную рыбу, забитую дичь, какую-то рыжую землю, рыхлую и неприятную… ну да, это же руда для кузницы, все стягиваются в село перед приходом ночи, когда нужно запереть все двери, обезопасить заклятиями от нечисти, а для защиты от волков спустить с цепи здоровенных злющих псов.

По дороге встретили несметное стадо овец, за ними неторопливо брел разомлевший от зноя пастух с длинным кнутовищем на плече, что свисало со спины и чертило на пыльной дороге причудливый след.

– Смерд, – сказал я строго, – ответствуй господину, что лежит в том направлении? Мне не хотелось бы и вторую ночь провести под открытым небом!

Он поклонился, опасливо посмотрел на моего коня, зело велик и страшен.

– Ваша милость, впереди река, за ней два села, оба беднее, чем наше!.. А брод не напротив, а ниже…

– Что насчет города? Чтоб в наличие постоялый двор, гостиница?

– Есть, но туда вам, ваша милость, сегодня не добраться.

– Дорога плоха?

– Дорога терпима, но далековато… – Он еще раз посмотрел на Зайчика, измерил взглядом ширину его груди, сказал, колеблясь: – Хотя, если гнать до самого вечера, к заходу солнца успеете.

– А потом уже не пустят?

Он вздохнул, развел руками.

– На ночь ворота всегда заперты. Говорят, в степи снова появились Ночные Слуги.

Я насторожился.

– А это кто еще?

– Призраки, – объяснил он, – днем только тени, а ночью обретают плоть. У кого есть амулеты, те защищены, а люди с талисманами могут даже обратить их в слизь, но остальных Ночные Слуги просто лишают разума. Потому ворота ночью на запоре.

– Разумная мера, – согласился я. – Значит, надо спешить…

Пастух ахнул, побелел. Я быстро повернулся в седле. Перед нами возник, как будто появился из незримого вихря, пес с ягненком в пасти. Пастух не успел открыть рот для истошного вопля, как пес положил перед ним ягненка и благовоспитанно отступил. Ягненок попробовал встать, жалобно бекнул и упал пастуху на ступни.

Инстинктивно он подхватил ягненка на руки, в глазах ужас, побелел, с трудом оторвал взгляд от пса и перевел на меня.

– Ваша милость… – пролепетал он. – Если бы он не отыскал этого потерявшегося ягненка… я бы подумал…

– А вот не думай, – перебил я. – Нормальный охотничий… тьфу, пастуший пес. Вроде таксы.

– Да-да, конечно, – согласился он поспешно. – Только с виду он, как это… не к ночи будь помянут…

– Вот и не поминай, – снова перебил я. – Так, говоришь, впереди река, а брод ниже по течению?.. Но это нам сильно в сторону, а выше нет?

– Есть и выше, но до того брода дальше.

– Хорошо, спасибо.

А когда отъехали, я распорядился вслух:

– Едем до реки по прямой, потом поднимемся по реке. Тот брод нас устроит больше.

Зайчик не спорил, да и пес не возразил – прекрасная у меня команда. Пока ехали, размышлял над тем, как это пес так легко учуял отставших овец и потерявшегося ягненка? Наверное, за его долгую жизнь находились смельчаки, что приручали его заново. Возможно, один из таких орлов был пастух, почему у пса навыки общения со стадом. А овцы какие-то вообще не религиозные и даже не суеверные: ничуть не испугались, не крестились, не плевали через левое плечо.

Глава 3

Мы мчимся под синим небом, копыта стучат по каменной почве, чавкают в болотах, над нами проносятся ветви деревьев, проплывают массивные уступы исполинских не то скал, не то циклопических сооружений древних людей. Бобика не слышно, словно парит над землей, а стук копыт так же привычен, как шорох настенных часов. Далекие горы на рассвете выглядят голубыми и синими, сейчас стали оранжевыми и желтыми, а когда солнце перешло на ту сторону неба, побагровели, будто их залило кровью героев.

Я чувствовал морозность воздуха, хотя землю хорошо прогрело солнечными лучами, в траве стрекочут теплолюбивые кузнечики и носятся крупные, почти тропические муравьи.

Пес, поняв, в каком направлении движемся, носился по сторонам, пугал птиц и зверей, однажды прибежал и подал мне толстого молодого гуся. Я похвалил, погладил, сунул гуся в сумку, а сам задумался: то ли пес еще и охотничий, то ли гусь совсем дурак, позволил себя схватить бескрылому зверю. Хотя, впрочем, надо будет как-нибудь проверить, на какую высоту пес прыгает…

Сейчас под копытами гремит выжженная пустыня, в лицо встречный ветер, я всматривался в даль, не сразу и заметил, что в сторонке на самом солнцепеке высится крест, еще чуть – и я проскочил бы мимо.

Огромный крест из неошкуренных бревен. А на нем распят голый человек. Вниз головой. Живот распорот, кишки грязной грудой свисают до земли. Пара мелких зверьков, рыча, дерутся за лакомство, нападают друг на друга. Завидев нас, в первую очередь – Черного Пса, зверьки разбежались.

Пес с интересом осмотрел распятого человека, понюхал вываленные внутренности. Я соскочил с коня, подбежал, еще раз огляделся, но ближайшая роща далеко, а на каменистой равнине не спрятаться засаде. Человек слабо застонал, коричневые полосы застывшей крови испятнали пробитые толстыми гвоздями руки и ноги. Глаза со срезанными веками немигающе смотрят на мир.

Мне показалось, что глазные яблоки сдвинулись при моем появлении.

– Господи, – воскликнул я. – Ты еще живой? Держись, дружище…

Я упал на колени и принялся выдирать гвоздь из руки распятого. Человек прохрипел:

– Оставь… Я все равно умру… но… пусть на кресте… как мученик…

– Да, – согласился я, – завидная смерть. Но живым быть лучше…

– Нет, – простонал он, – нет…

– Может быть, – согласился я. – Но не однозначно. Лучше быть живым псом, чем мертвым львом, но пасаран, лучше умереть стоя, чем жить на коленях, нам жизнь не дорога, а вражьей милостью мы гнушаемся… и тэдэ и тэпэ… однако же есть и другая точка зрения…

Кое-как выдрал и второй гвоздь, вскочил, ухватился за толстый штырь, что раздробил правую лодыжку несчастного. Человек хрипел, говорил что-то, возражал, я с великим трудом освободил ногу, затем вторую, уложил мученика на землю. Изможденный, с огромной зияющей дырой на животе, куда, я только сейчас заметил, натолкали камней и пучков травы, он уже был мертвецом, но все еще шевелил обугленным ртом:

– Неразумные дикари… Не мсти им… Не ведают, что творят…

– Лежи тихо, – предупредил я и положил ладони ему на грудь. – Почему они тебя вверх задними ногами?

– Это я их упросил… – донесся затихающий шепот. – Чтобы не уподобиться распятому Христу… То он, а то я…

Слабость нахлынула, руки стали тяжелыми. Если бы я не сидел на земле, ноги не выдержали бы моего тела. Некоторое время я слышал только звон в ушах, а когда перед глазами

перестали мелькать темные мухи, человек оставался таким же изможденным и худым, но раны затянулись, как на руках и ногах, так и на животе, вытолкав наружу камни и пучки травы.

Я переждал приступ слабости, заставил себя подняться и сходить к коню. Черный Пес исчез, я ощутил слабое чувство досады, ну да ладно, и то хорошо, что увел его от моих деревень. Спасенный распростерт на том же месте, черная тень зловещего креста делит его пополам, руки все так же бессильно раскинуты в стороны. Я развязал мешок, с трудом превозмог страстное желание впиться зубами в мясо и сыр, выложил трясущимися руками поверх мешка.

– Угощайся, святой отец. Священник, если не ошибаюсь?

Молодой, может быть, даже моложе меня, непонимающе смотрит светлыми, как весенняя вода, глазами. Шевельнул руками, прошептал:

– Ты… ангел?

Я оскорбился.

– Знаешь, кем меня только не обзывали, но ангелом…

Руки мои сами по себе ухватили мясо, я принялся пожирать жадно, как зверь, другой кусок придвинул к спасенному.

– Не… очень, – прошептал спасенный. Он кашлянул, будто проверяя голос, заговорил уже громче, звучным и звонким, в самом деле юношеским голосом: – Но ты… исцелил… а это дано только ангелам… или святым людям…

Я помотал головой:

– И не святой, точно.

– Маг?

– Да нет же, – ответил я с неловкостью, почему-то всегда чувствую себя паршиво, когда приходится признаваться в паладинности, как будто публично заявляю о своей девственности или супружеской верности. – Так уж получилось, что мне дано это свойство. А кто ты?

– Я брат Кадфаэль, монах Барлетского монастыря.

Я промычал с набитым ртом:

– И что ты здесь… делал?

– Нес свет Христовой веры заблудшим душам.

– Ах да, миссионер… Лучше бы кириллицу принес. Был бы свет, если бы крест еще и подпалили! Не рано ли с просвещением?

– Духовная пища важнее любой…

– Ну-ну, – сказал я.

– Если Господь зовет, – прошептал он.

Я не стал уточнять, позвали его или послали, здесь есть интересные нюансы, а он приподнялся, сел, худой, изможденный, упираясь руками позади себя в землю. В кротких глазах – великое изумление, рассмотрел ступни, где только жуткие шрамы на том месте, где их проломили железные штыри. Еще с большим изумлением и страхом опустил взор на живот. Страшный багровый рубец опускается от груди и почти до паха. Рядом на земле смирно застыли, не шевелясь и стыдливо стараясь стать незаметными, покрытые кровью и слизью камни, комья твердой земли с остатками серой высохшей травы.

– Не могу поверить, – проговорил он дрогнувшим голосом.

– Вера двигает горами, – сообщил я, – как говорил Мухаммад. Вообще, Вера – колоссальная баба!.. Ты ешь, брат Кадфаэль, ешь!.. Силы надо подкреплять и перед духовным подвигом.

Сам я ел в три горла, организм спешит восполнить потерю энергии, рассматривал брата Кадфаэля. Худой, как червяк, бледный вьюнош с горящим взором. Хотя уже и не очень-то вьюнош, но бледный и с горящим взором. Да и вьюнош, вьюнош, несмотря на возраст, который не определить. Правда, я сам еще не совсем старец, хотя, как постоянно твержу всем, старые книги читал и потому такой мудрый и правильный, что самому бывает тошно.

Как и положено северянину, у Кадфаэля светлые волосы, такие же светлые глаза. Такие якобы у киллеров, фашистов и вообще людей крутых и жестоких, но брат Кадфаэль… впрочем, если учесть, что по доктрине христианства следует смести с лица земли всех общечеловеков, то он и есть это самое крутое. А что голос мягкий и улыбка застенчивая – так ведь и Гитлер был прекрасным художником, ценителем искусства! А Гейдрих, создатель концентрационных лагерей, великолепно играл на скрипке, был ценителем прекрасного, меценатствовал…

Он прямо взглянул на меня своими честными светлыми глазами убийцы, киллера и фашиста. Взор его был строг и ясен, как доктрина о расовой чистоте.

– Я сделал все, – произнес он проникновенно, – что мог. Они истязали две недели, требуя отречься… но я лишь кротко рассказывал им о вере Христовой, о земном пути Господа нашего, о Царствии Небесном… Они смеялись и жгли мне ноги, протыкали ребра раскаленными прутьями… но я читал молитвы, ни разу не разгневался, понимая, что это испытание ниспослано свыше… Через неделю начали сердиться, уже не зная, каким новым мукам меня подвергнуть… Приехал их главный шаман и обещал, что если отрину Христа, то излечит и даст в жены трех девственниц…

– Ого, – сказал я заинтересованно. – Это за какие заслуги?

– Сказал, что его народ ценит мужество. От таких людей пойдут сильные духом воины…

– И ты не согласился? – спросил я с огромным недоверием.

– Нет, – ответил он очень серьезно, со скромной гордостью. – Я продолжал кротко проповедовать о любви и смирении, на что они еще больше злились и рвали крючьями мясо, ломали пальцы… Однако что плоть? Стойко выдерживая пытки, я утверждал примат духа над плотью. Плоть немощна…

– Индейцы уважают белых, – сказал я. – Чингачгук из рода Маниту назвал бы тебя братом. А Оцеола, вождь семинолов, так вообще бы… Да ешь же! Возьми хотя бы сыр! А то я такой ангел, что все сожру.

Он покачал головой.

– Нет, сперва…

С трудом встав на колени, он склонил голову, сложил ладони лодочкой и забормотал благодарственную молитву. Я постарался есть тише, чтобы чавканьем не осквернять благочестивое занятие.

Брат Кадфаэль молился долго, не обращая внимания на свою наготу, вот уж действительно наплевательски к телу, как будто уже эра нанотехнологий и можно в ближайшем к дому магазине подобрать другое, поновее. Или более модное. Я уж подумал, что он принял очередной обет, типа кто дольше простоит на коленях вот так на голой каменистой земле, но в конце концов монах закончил излагать Богу свою версию случившегося, разъяснил детали, а постскриптум попросил не гневаться на бедные заблудшие души и не наказывать их, ибо не ведали, несчастные, что так распинать людей не совсем хорошо. Тем более пастырей, несущих им свет, любовь и всепрощение.

Наконец он обратил кроткий взор на меня.

– А кто будешь ты, добрый человек? Слыхал ли ты о Христе…

Я молча раздвинул рубашку, на груди блеснул серебряный крестик. В глазах брата Кадфаэля, напротив, появилось выражение сильнейшего непонимания.

– Так почему же… – начал он и замолк.

– Что? – спросил я.

– Почему ты, добрый человек… не возблагодарил Господа?

– За что? – удивился я.

– За пищу, – напомнил он. – Ни один христианин не переломит хлеба раньше, чем прочтет благодарственную молитву Создателю, который послал хлеб и дал нам жизнь.

Я хмыкнул, расправил плечи, надо как-то выкручиваться, в лице гордость и надменность, а голос сделал покровительственным:

– Брат Кадфаэль… у тебя какая степень посвящения? Ну понятно, простой монах… Как хорошо быть простым монахом, совсем простым, совсем простым монахом… Перед нами все цветет, за нами все горит… Тебе еще недоступны высшие уровни… Понимаешь, у нас, жидомасонов, с каждой ступенькой все больше возможностей общаться с Господом накоротке. Ты тоже жидомасон, только еще не знаешь, что ты жидомасон. Вообще все на свете – жидомасоны, но о том, что они жидомасоны, узнают только на самых высоких ступеньках карьеры. К тому времени столько накоплено… я не только о счетах в швейцарских банках, а вообще: связи, власть, карьера, положение в обществе, что уже никто не идет на попятную… Гм, это я отвлекся. Словом, я уже на такой ступеньке, что мне не надо вот так, как простым монахам, записываться в очередь на прием, я сразу мимо секретарши в кабинет к Главному. Я – паладин, понял?

Его глаза расширились.

– Паладин?.. Я столько о паладинах слышал…

– Вот и хорошо, – сурово сказал я, довольный, что он только слышал, но не видел. Не уличит, что я веду себя не совсем по-паладиньи. – Я с Богом веду беседы мысленно, понял?.. Тебе на твоем уровне Господь дал способность стойко переносить пытки… две недели, говоришь, терпел?..

– Господь терпел, – ответил он и перекрестился, – и нам велел.

– Вот-вот. Ты пассивно переносишь пытки, а я могу лечить раны. Сам понимаешь, чей левел выше. А теперь давай ешь. Это тебе как старший по званию говорю!

Он молча взял сыр и принялся есть. Судя по его виду, если бы я велел ему есть землю, он ел бы. Кротко и смиренно. Хороший жидомасон, многообещающий. Верит, слушается безропотно. Такого можно продвигать выше по жидомасонской лестнице. До уровня, как говорится, полной некомпетентности.

Пока он ел, ухитряясь даже это делать кротко и без естественной человеческой жадности, я критически осматривал его тощее тело аскета. На конкурсе «мистер Олимпия» вряд ли дадут первое место, даже с протекцией, это среди симеонов столпников был бы своим человеком, но мы не в том мире и не в другом, мы – в реальном, так что голому и босому в города и села заходить не совсем прилично, не двадцать второй век, когда последние остатки зачатков совести, стыда отпадут.

– Роскошную мантию не обещаю, – сказал я, – но посмотрим, чем тебе прикрыть чресла. А там вдруг да встретим какого-нибудь епископа неправильного… Вот его зарежем, а тебе – мантию.

Он ужаснулся.

– Зарежем?

– Еретика, – пояснил я.

– А, еретика, – ответил он, сразу успокоившись, – да, еретики иной раз успевают раньше нас попасть к невинным душам!

В мешке я отыскал чистую рубаху, спасибо слугам, как знали, что понадобится.

– Держи, – велел я. – Облачись.

Он влез в подаренную одежду, она ему как поповская ряса, я ощутил прилив гордости, вот как я высок и широк, слава мне, богатырю и красавцу, плечи – во, объем бицепсов – во, а трицепсы так ваще…

– Хорош, – одобрил я. – Как Иисус в Гексарайской пустыне.

Он застеснялся, сказал с мягким укором:

– Ну вот еще… Как можно меня уподоблять самому Святителю.

– А я не тому Иисусу, – сказал я. – Их было много. Да хотя бы про Иисуса Навина слыхивал?

Вдали показалась темная точка, выросла вмгновение ока. Я ощутил толчок сжатого воздуха, а Черный Пес затормозил передо мной, упершись всеми лапами в землю. Морда в крови, глаза багровые, красный язык выплеснулся, как стремительная змея, облизал нос и скрылся.

– Это мой песик, – сказал я монаху успокаивающе. – Зовут его Бобик. По дороге подобрал, чего пропадать хорошей собаке?

Брат Кадфаэль улыбнулся, а пес, к моему удивлению, подошел к нему и лизнул в лицо, а потом вернулся ко мне и, громко вздохнув, лег на бок.

– Животные чуют добрых людей, – проговорил брат Кадфаэль. – Да, это хорошая собака.

– У меня нет заводного коня, – сказал я. – Так что, брат Кадфаэль, придется вам потрястись на конском крупе. Там мешок, можете сесть на него. Правда, там доспехи, но вы уж как-то устройте свой тощий зад.

Он запротестовал:

– Я не поеду!

– Почему?

– Мне нужно остаться и донести Слово Веры до этих несчастных, что живут во грехе и умирают, не приобщившись к святому христианскому учению!

Я покачал головой.

– Нет, – отрезал я твердо. – Я довезу до ближайшего села или города, а там как изволишь. Хоть снова на крест, твой выбор. Голосуй, а то проиграешь! А так я буду чувствовать себя виноватым, что попадешь снова на тот же крест. И опять вверх ластами.

Он смотрел умоляюще, я непреклонно покачал головой. Зайчик подбежал на свист, я привязал мешок и взобрался в седло, пес носился вокруг огромными скачками, язык свисает, как красный флаг без ветра, Зайчик пытался достать его копытом, но пес всякий раз отпрыгивал. Я протянул брату Кадфаэлю руку, он ухватился тонкими бледными пальцами, я вздернул наверх.

– Держишься?..

– Да, брат паладин.

– Держись крепче, – предупредил я. – У меня конь… словом, ангел, а не конь!

Зайчик пошел сразу галопом, я все больше и больше отпускал поводья, пока встречный ветер не превратился в ураган, что старался выбить нас из седла. Пес несся у стремени, он казался мне туманным призраком, с такой скоростью двигается скачками. За спиной вскрикивал брат Кадфаэль, затем начал молиться.

Мы проскочили оба села, оставив их далеко в сторонке, а когда впереди показалась река, не стал искал брод, просто велел брату Кадфаэлю держаться покрепче, а Зайчика пустил во всю прыть. Дробь копыт перешла в шелест, как будто шины по асфальту, затем могучий толчок, за спиной ойкнуло, внизу промелькнула рябь воды, и после мучительной паузы, когда во внутренностях пусто, – удар, тела налились тяжестью, конь взбежал по берегу и остановился наверху.

За спиной слышалась целая литания, брат Кадфаэль, путаясь от чрезмерной волнительности в словах, возносил восторженную благодарственную песнь Господу. Его трясло, я слышал по стуку костей, потому не стал прерывать, не поймет, придется терпеть, пустил коня уже шагом, присматриваясь к показавшемуся на фоне красного закатного неба темному замку с зубчатыми стенами и массивными башнями.

Пес всего лишь самую малость приотстал, пока форсировал реку, я даже не посмотрел как, а жаль, он мог перебежать поверху, ведь если бежать быстро-быстро, то можно аки посуху, во всяком случае, снова несется рядышком огромный, с блестящей шерстью, высунутым языком.

Замок почти у горизонта, мрачным скопищем камня высится на высоком холме, а вокруг разместились, образовав звезду, пять крупных деревень. К замку только одна дорога, да и та поднимается на холм в противоположной от ворот стороне, чтобы всякий, кто бы ни двигался к замку, проходил под самой стеной, откуда могут не только бить прицельно из луков и арбалетов, но даже лить кипящую смолу, вар или сбрасывать камни.

Сам замок, с высокими башнями и толстыми стенами, надменно и гордо возвышается не только над деревнями, но и, казалось, над всем этим плоским равнинным миром бескрайних пашен, лугов, плесов, небольших рощ.

– Хорошая защита, – проронил я. – Удачное место.

За спиной задвигалось, слабый голос сказал с дрожью:

– Это не холм… вернее, холм потом насыпали. Там скала, на ней первые рыцари построили башню. Простую, деревянную. В ней и держались первые годы против сил Тьмы. Потом, когда силы Хаоса отступили, сюда началось переселение. К башне приделали еще пристройки, а когда места стало не хватать, собрали крестьян из окрестных селений и насыпали холм. На нем и возвели замок. Сперва из дерева, потом уже ломали камень и строили эти несокрушимые башни.

Я сказал уважительно:

– Это же целая крепость!

– Теперь да, – донесся из-за спины голос, – ее вокруг замка строили уже потом. С каждым поколением что-то добавляли, перестраивали.

Я сам чувствовал, что крепость перестраивалась много раз, всякий раз становилась выше, шире, мощнее. Первые рыцари, выстроившие деревянную башню на утесе, ахнули бы, не поверив, что эта мощь выросла из зароненного ими зерна, ведь даже скалу ту не отыскать, ставшую краеугольным камнем.

Сейчас это замок из серых массивных глыб, по углам высокие башни, что острыми крышами царапают проплывающие чуть выше тучи. Есть даже ров, хотя и без воды. В массивных воротах угрюмо блещет опускная решетка, а дальше, похоже, еще одна, чтобы въезжающих можно было остановить, расспросить досконально, а то и обыскать, отбирая оружие.

Зайчик, уловив мою мысленную команду, пошел легким галопом, замок начал отодвигаться в сторону, а когда почти миновали, я увидел, почему ворота с этой стороны всегда заперты: северная часть стены обвалилась, уничтоженная странным ударом, словно исполинский кулак размером с башню проломил брешь, задев еще пару зданий внутри. Там обнажились внутренности, свисают стропила. С этой стороны замок почти весь затянут буйным плющом, камни покрыты зеленым мхом.

– Никто не живет?

Брат Кадфаэль вроде бы покачал головой.

– Дурное место.

– Чем?

– Дурное место, – повторил он убежденно. – Мало ли, что там…. Зато сразу за ним и расположился Плессэ, благословенный город. Здесь я учился у местных братьев смирению и послушанию.

Мы обогнули холм, взору открылся яркий беспечный город, который я принял бы, скорее, за постоянно действующую ярмарку. Несколько десятков домов, с полсотни хаток и еще сотни палаток и даже шалашей по всему периметру. В середине этого пестрого базара, естественно, замок, однако больно невзрачен, зато следом за его стенами три дома, настоящие дворцы.

Несколько телег ползут к распахнутым воротам, возчики нахлестывают лошадей, спеша попасть в город до наступления темноты. Зловещий красный свет пал на стены, на землю,

удлинив наши тени так, что они добежали до ворот и трусливо юркнули в город раньше, чем мы подъехали к воротам.

Глава 4

Дюжие стражники с обеих сторон, крепкий старшой, ветеран и два священника, что окропляют въезжающих святой водой. Стражники внимательно и цепко следили, чтобы никто не увильнул от святого очищения. На моих глазах впереди возникла брань, одного перехватили и заставили еще раз вытерпеть кропление, да еще и потребовали, чтобы прочел «Аве, Мария».

Когда мы приблизились, я поклонился и сказал первым:

– Хорошая мера, святые отцы! Суровая, но необходимая.

Стражники никак не среагировали, ведь лесть – тоже подкуп, а один из монахов спросил строго:

– Кто будешь, странник на черном коне? Это твой пес?

– Просто странник, – ответил я. – Я им и хотел бы остаться. И собачка тоже моя. Она тихая, ласковая. Но за моей спиной человек, который поручится за меня. Вы ему наверняка поверите больше…

Брат Кадфаэль с трудом сполз с коня, с Зайчика спускаться – все равно что со второго этажа без лестницы, вид жалкий, хоть рубаха еще не успела истрепаться или даже испачкаться.

Тот же монах спросил меня требовательно:

– Почему мы должны верить этому человеку больше, чем тебе?

Второй монах подошел и махнул в мою сторону метелкой. Несколько капель попали мне на руки, на ноги, остальные потекли по коже Зайчика. Я ответил вежливо:

– Потому что он не может по уставу ездить на коне. А я здесь намереваюсь купить ему мула.

Кадфаэль приблизился к ним, что-то сказал вполголоса. Они заговорили втроем, причем второй монах и на Кадфаэля брызнул вроде невзначай: доверяй, но проверяй, как говорил товарищ Сталин, молодец, бдительный, такой не даст объехать себя на кривой козе.

Наконец старший монах повернулся ко мне, строгий голос прозвучал удивительно мягко:

– Прямо по этой улице неплохой постоялый двор. Там всегда, правда, не хватает мест, но скажите, что вас прислали братья из монастыря святого Себастьяна.

– Спасибо, – ответил я.

– Вам спасибо, – сказал монах.

Мы раскланялись, я слез с коня и взял его под уздцы, раз уж брат Кадфаэль пойдет пешим. Второй монах все же спросил, указывая на пса:

– А это… это не…

Брат Кадфаэль сказал живо:

– Это пастуший пес, потерявший хозяина!.. Он помогал пастырям собирать овец.

Мы прошли в ворота, упоминание о пастыре – почти лицензия на любые бесчинства: ведь Христа и человечество часто сравнивают и рисуют в образе пастуха, что со здоровенной клюкой в руке пасет дурных овец. А сторожевые волкодавы, по мнению церкви, это как раз они – смиренные слуги Божьи.

Ведя Зайчика в поводу, мы неспешно шли по середине улицы, на нас оглядывались. Все четверо: конь, пес, я и даже Кадфаэль – весьма отличаемся от обычных горожан. Кадфаэль – аскетичным лицом и великанской мужской рубахой, что явно накинута на голое тело, а остальные – ростом, статью, играющими мышцами.

Постоялый двор завидели издали, ворота еще распахнуты, во дворе виден трехэтажный каменный дом с множеством пристроек. Мы неспешно двигались к нему, чувствуя, как усталость дает о себе знать, как вдруг за спиной послышался топот копыт, крики, свист.

Со стороны городских ворот, под аркой которых мы недавно прошли, на полном скаку несутся, громыхая железом, всадники на тяжелых конях. Не меньше десяти, все весело гикают

и улюлюкают, стараясь достать разбегающихся прохожих плетьми, стучат на скаку в плотно закрытые ставни.

Мы оказались застигнуты посреди улицы. Конечно, мы бы успели убраться, но у меня слишком уж развито чувство собственного достоинства, а брат Кадфаэль просто растерялся, остановился с раскрытым ртом и растопыренными руками. Зато пес насторожился, под гладкой кожей вздулись тугие мышцы. Он стал похож на отлитую из металла статую.

Всадники налетели с грохотом и топотом, но я все хоть не в доспехах, но в одежде, что причисляет к благородному сословию, стоптать не решились, только один замахнулся плетью:

– Ты глухой, сосунок?

Я поднырнул под руку, ухватил за кисть и с силой дернул на себя. Он вывалился, как куль, земля дрогнула и застонала от удара закованной в железо туши. Не ожидая, когда поднимется, я повернулся к другому, у меня в самом деле длинные руки, ухватил и точно так же сдернул с коня. Здоровяк грохнулся с таким звоном, будто весь склепан из плохо скрепленного железа. Первый попытался приподняться, но захрипел и снова распластался в пыли, картинно раскинув руки.

– Я сосунок, – согласился я. – Это видно, правда? А кто вы?

Не отвечая, они подали коней, беря нас в полукольцо, а затем окружили полностью. Открытые окна и двери на нижних этажах захлопывались, но из верхних выглядывали любопытствующие горожане. Старший из всадников, огромный красавец в дорогих, но сильно поношенных и с боевыми отметинами доспехах, быстро огляделся, на красивом породистом лице проступало бешенство.

– Ты кто? – заорал он.

– Тот, кто тебя уроет, – ответил я. – Но заупокойную не обещаю.

– Ты?

Не отвечая, я сказал громко:

– Брат Кадфаэль, ты испепели гневом двоих справа, а я вобью в землю по ноздри троих слева. Остальных сожрет наш пес, ему тоже надо чем-то кормиться!

Рука красавца уже выдернула меч из ножен до половины, но пес зарычал и сделал шаг вперед, слегка припал к земле, как перед прыжком, и все застыли, словно вмороженные в лед лягушки.

Красавец наконец сказал надменно:

– Я – Грубер, барон Дикого Поля, а также эрл Натерлига и Гунлара, владетель Дикси и Серых Сосен.

Я прямо посмотрел ему в глаза, и хотя он в седле крупного жеребца, но я смотрю на него, как будто с высоты крыльца взираю на замершего внизу лакея.

– Всего этого лишишься, если не повернете коней и не уберетесь немедленно.

Он ахнул:

– Я?

– Да, – ответил я. – Ты, Грубер, барон, эрл и чего-то там владетель.

– Нас девять человек, – заорал он. – Девять мечей и девять копий!

– Если хочешь попробовать, – ответил я как можно холоднее и небрежнее, – давай, пробуй. Но горожане, что смотрят сейчас, подтвердят, что я вас предупредил и давал шанс уйти живыми.

Голос мой начал вздрагивать, я блефую, как Миклухо-Маклай, что на вопрос туземца, смертный ли он, просто дал ему копье и сказал: а ты попробуй. Но тогда все туземцы рухнули к его ногам и признали богом, а здесь такое не пройдет, не пройдет.

Грубер пожирал меня взглядом, за его спиной всадники затаили дыхание. Он их сеньор, они верны, решает Грубер. А он смотрел на меня цепко, изучающе, и хотя морду старался держать непроницаемой, я читал как на бумаге, что если бы мир был весь отсюда и до горизонта,

то никто бы не смел перечить ему, Груберу, но мир, к сожалению, велик, это здесь знает всех, а откуда-то могут забрести совсем странные, про одних говорят, что их тела из железа, другие вроде бы умеют исчезать от ударов, а появляются, как правило, за спиной, а у третьих такие доспехи, что не пробить никаким железом, а только веточкой омелы из подземного мира.

Он с шумом выдохнул воздух, сказал примирительно:

– Мы проделали долгий путь, устали, да еще в воротах нас мариновали чертовы монахи! Сейчас просто обрадовались возможности отвести душу.

Я вдруг понял: это никакие не рыцари, те бы из гордости ввязались в драку, а это простолюдины, для которых вполне весомы наши общечеловеческие ценности, как то: жизнь и кошелек. Более того, у этих людей такие приземленные ценности намного выше, чем рыцарская честь и достоинство.

– Значит ли это, – сказал я громко, – что вы приносите извинения?

Он угрюмо посмотрел на меня.

– Да… приносим.

– Ну тогда приносите, – сказал я так же громко. – Если сочтем удовлетворительными, примем. Если нет… пожалеете.

Лица его ватаги быстро бледнели. Он сам стал серым, все больше теряя блеск и уверенность и окончательно становясь похожим на простолюдина, укравшего рыцарские доспехи. Сильного, отважного, даже свирепого, но все же простолюдина, что не станет сражаться там, где может проиграть.

– Мы, – проговорил он с трудом, – приносим извинения… Да, мы были не правы, когда ворвались в мирный город вот так… будто здесь не добрые горожане, а воры и разбойники. Прошу простить нас, виной наше долгое путешествие…

– … и ваше дурное воспитание, – добавил я.

– И наше дурное воспитание, – повторил он едва слышно.

Я хотел было заставить повторить громче, но лицо Грубера из серого начинает багроветь, похоже, что и у простолюдина есть предел нагибания, я сказал громко:

– Ладно, извинения принимаем. А теперь настоятельно советую слезть с коней и, ведя в поводу, сходить к часовне и покаяться Господу в своих грехах. А уж потом можете по своим делам. Идите!

Это ударило, как хлыстом. Все заторопились, поспешно слезли с коней и, таща их в поводу, быстро ушли вдоль улицы. Из окон горожане выкрикивали что-то веселое, а нам похлопали в ладоши. Я уж побаивался, что брат Кадфаэль с его смирением начнет раскланиваться, как на сцене, но он зябко передернул плечами и с шумом перевел дыхание.

– Брат паладин, вот уж не думал, что так быстро сломятся…

– Разве мы не орлы?

Он вздохнул.

– Я нет…

– Но ты терпел пытки, – напомнил я.

– То другое, – ответил он с тем же вздохом. – Просто терпеть – одно, а вот так в схватке – я трус.

– Тогда считайте, что нам Дева Мария… все же помогает.

Он покрутил головой.

– Только не Дева Мария. Она милосердная и всепрощающая…

– Тогда сам Господь, – ответил я просто. – Гот мит унс, так кто же против нас? А вон постоялый двор. Как раз вовремя!

Солнце уже опустилось за городскую стену, багровое небо медленно становилось лиловым. На левой половине уже нехорошо блещет бледная луна, проступили первые звезды. Окна домов, как волчьи глаза, желтеют в ночи.

Вблизи постоялый двор показался еще солиднее: из хорошего отесанного камня, три этажа и один подвальный, немалая конюшня и пристройки попроще: своя булочная, кузница, даже кожевник, судя по запаху. Во дворе колодец с высоченным журавлем, длинная колода с водой, длинная коновязь для тех, кто забегает только перекусить и быстро едет дальше, большая свинья в луже, это уж непременный атрибут любого постоялого двора или трактира, своего рода реклама, пусть все видят, какое великолепное мясо подается к столу, у стены гребутся суетливые куры, тоже откормленные, толстые, как кабаны.

И хотя весь постоялый двор с немалым участком обнесен добротным забором, но ворота распахнуты так давно, что вросли в землю. Мы въехали, брат Кадфаэль тут же смиренно возблагодарил Господа, я пошел к крыльцу. Дверь распахнута, как и ворота, изнутри доносятся веселые мелодии, пение, удалые вопли. Распахнутая дверь показалась входом в ад: жаркое красное зарево и мощные волны запахов жареного мяса, кислого вина и свежего пива…

Я набросил повод на крюк коновязи, велел Зайчику никого и ничего не грызть, кивком указал брату Кадфаэлю на открытую дверь, а псу сказал строго:

– Рядом!.. Не отходи от меня ни на шаг! Понял?

Большой зал освещен ярко, что понравилось, не люблю этот дурацкий интим, когда за слабым освещением скрывают грязь и неубранный мусор, за пятью длинными столами веселятся местные гуляки, хотя мой взгляд вычленил и двух-трех, которые явно прибыли издалека.

Просторный зал, множество столов, кормление поставлено на поток: юркие ребята и поджарые женщины разносят на подносах жареное мясо, печеную дичь, рыбу, сыр и, конечно же, кувшины с вином, а также огромные кружки с пивом. Я оставил брата Кадфаэля с псом у входа, прямиком двинулся на хозяйскую половину.

– Привет, – сказал доброжелательно. – Я странствую по свету для расширения своего кругозора. Мой конь у коновязи, но о нем беспокоиться не стоит, накормлен, а вон мой пес… вон там он сидит, видишь?.. И при нем монах, он еще беднее меня. Видишь, в моей рубахе?

Объясняя, я взял его за рукав, пальцы у меня цепкие, вывел в зал к ожидавшим псу и Кадфаэлю. Хозяин хмуро глянул на обоих, с сомнением – на пса.

– Есть и пить вволю, – сказал он, – но комнаты заняты.

Брат Кадфаэль сказал суетливо:

– Да это ничего, мы со всем христианским смирением можем переночевать и на конюшне…

Я поморщился.

– Брат, говорите за себя. Это урон моему сану, если на конюшне или в коровнике! Ваш настоятель не спит в конюшне? Тем более епископ?

– Но ведь христианское смирение…

– …не имеет ничего общего с табелем о рангах, – прервал я.

Я бросил хозяину золотую монету и сказал, пристально глядя в глаза:

– Если нет двух комнат, найди одну! Чистую. Моя смиренность не настолько смиренна, чтобы спать на грязных простынях.

Хозяин подхватил золотой, брови полезли на лоб.

– Да ведь, ваша милость… Что на свете не грязь? Деньги вон тоже грязь… да еще какая. Но как приятно побыть свиньей!

Он ухмыльнулся, кивком пригласил меня наверх. Я кивнул брату Кадфаэлю:

– Брат во Христе, ты иди за стол и закажи поесть, а я осмотрю апартаменты! Судя по этажу, это пентхауз. Бобик, за мной!

Пес сорвался с места, я потрепал его по толстой бычьей шее, молодец, послушание – добродетель любого вассала.

Апартаменты нам отыскались на третьем, самом верхнем этаже. Комната, которую при мне торопливо прибрали, маленькая, но на ночь сойдет. Даже брату Кадфаэлю есть где лечь

на тряпочке у двери. Вообще-то вроде бы неприлично самому на лавку, а попутчика на пол, но, во-первых, мы ровесники, во-вторых, я все-таки привык к каким-то удобствам. А брат Кадфаэль больше привык на полу, тем самым достигая совершенства. Вот я и буду помогать его достичь. Могу даже наступить спросонья да еще и потоптаться, чтоб уж полный кайф.

Хорошо, что здесь Европа, а не исламский мир, собакам доступны все комнаты, на королевских пирах с полдюжины собак обычно под столом смачно гложут кости, их видишь как во дворе, так и в хозяйской постели. На пса только посмотрели, оценивая его размеры, после чего бросили на пол половинку старого вытертого одеяла. Пес обнюхал и тут же лег с громким вздохом.

– Хорошая собачка, – сказал я. – Стереги наше имущество, понял? Как только кто войдет без нас, рви на части. Можешь сразу и съесть… да-да, моя собачурка обожает живое мясо.

Слуга поспешно отступил к двери.

– Ваша милость, а как же прибирать?

– А не надо, – сообщил я. – Завтра отбудем, а среди ночи уборка как-то не совсем.

Когда спустился вниз, брат Кадфаэль сидел в уголочке смиренно, так же смиренно посматривал на пробегающую мимо пышногрудую девицу. Она двигалась быстро и ловко, разносила еду и питье, на монаха не обращала внимания, но на него уже поглядывали с интересом любители позадираться, таких полно в любой таверне, корчме, любом баре, салуне или ресторане.

Когда я подошел и сел за его стол, любители легкой добычи скисли, некоторое время посматривали недружелюбно, но я выпрямился, расправил плечи и, выдвинув нижнюю челюсть, посмотрел вокруг бараньим взглядом человека, который всегда прав, а кто в этом усомнится, тому быстро вобьет возражения в глотку вместе с зубами.

– Все в порядке, – сообщил я. – Комната хорошая, чистая. Клопов, что странно, нет. Наверное, с экологией здесь неладно, бегут. Но ты особенно не жалей! Может быть, ночью вылезут какие-нибудь совсем тупые, попьют из тебя крови, добавляя благочестия…

Он кивал, соглашался, спросил с недоумением:

– А почему вы, сэр Ричард, не сказали, что нас сюда прислали братья из монастыря святого Себастьяна?

– Зачем пугать хозяина? – спросил я. – Судя по всему, у этих монахов в руках немалая власть. Возможно, даже инквизиция. А я предпочитаю, чтобы мне служили не из страха… понимаешь?

– Увы, – молвил он с тяжким вздохом, – даже Господу нашему служат часто из страха перед его праведным гневом. А это не совсем хорошо.

– Согласен.

– Даже не совсем правильно…

– Ты идеалист, брат Кадфаэль. Тебе бы в коммунисты, есть такая партия, а не в монастырь.

Пышногрудая подошла к столу, серые бесстыдные глаза изучающе осмотрели обоих, улыбнулась широким красным ртом с пухлыми губами вампирши.

– Есть? Или только пить?

– И то и другое, – сообщил я. – Тащи самое лучшее. Не знаю, что у вас фирменное, но и его тащи.

Брат Кадфаэль задвигался и робко заметил, что сейчас вообще-то пост, я согласился и сказал девице, что на время странствий в моем монастыре братья во Христе от всех постов освобождены.

Она улыбнулась, подвигала мощной грудью.

– Потому вы, ваша милость, всегда в странствиях?

– Как ты угадала? – изумился я.

– Уверена, что вы свободны не только от постов, ваша милость.

– Я смиряю плоть, – сказал я сурово.

– Давно?

– С утра, – заверил я.

Она засмеялась, указала в дальний угол зала и упорхнула с грацией огромной ночной бабочки, что, несмотря на размеры, летают совершенно бесшумно и довольно ловко.

Я кивнул брату Кадфаэлю, все верно, девица указала на отделение для благородных, а в городе, в отличие от замка, благородными считаются все, кто хорошо платит. Здесь намного свободнее, столы добротнее, ножки с резьбой. Брат Кадфаэль горестно вздохнул, опускаясь за чистый стол, но ничего не сказал, придется терпеть и удобства, что так мешают усмирять плоть и чревоугодие. Долговязый парнишка быстро притащил блюдо с огромным жареным гусем, сыр и хлеб, а также два кувшина и две медные чаши. На столах для простонародья, как я увидел отсюда, только глиняные да деревянные. Да и чище здесь, ладно, за комфорт везде доплачиваем, знакомо.

Брат Кадфаэль начал длинную благодарственную молитву, я сказал: «Ad gloriam», Господь поймет, и принялся резать гуся. Четверть часа только раздирали гуся и жевали, я еще и запивал вином, на самом деле здесь то ли забыли, как изготавливать крепкие напитки, но вино не крепче пива, я запивал чуть ли не каждый кусок, гусь жестковат, передержали над углями, играют в мужественных мужчин, пренебрегают сковородами.

Кадфаэль первым отвалился от стола, снова прочел молитву, в глазах виноватость, все-таки позволил себе ощутить удовольствие от еды, а настоящий волевой человек не должен себе позволять такие низменные слабости.

– Солнце вышло из-за туч, – сказал я с удовлетворением, – нет на солнце пятен. До чего же я хорош, до чего приятен!

Брат Кадфаэль посмотрел на меня с укором.

– Брат Ричард, какое солнце? Мы на закате в город въехали!

– Когда я сыт, – объявил я, – для меня всегда солнце!

– Чревоугодие – грех…

– Брат Кадфаэль, это у меня-то при такой жизни чрево? Ты еще не видел чреватых! И представить не можешь, что придет время, когда целые страны будут ломать головы, как бы похудеть… А пока что счастье вообще в том, чтобы вообще поесть. Так что я человек скромный, поел – и счастлив. Правда, у каждой части тела свой идеал счастья…

Он не врубился, покачал головой.

– Как можно быть счастливым, когда мир все больше погружается в горе?

– Горе не заедают, – согласился я. – Но запить можно. Мы пьем за яростных, за непохожих, за презревших грошовый уют… Наш капитан, обветренный как скалы, вышел в море, не дождавшись дня… наверное, тоже несет просвещение в дальние земли. Ведь ad cogitandum et agendum homo natus est, то есть для мысли и действия рожден человек, не так ли? Так что запей вот этот кусочек гуся, брат. Тем самым ты укрепишься и телом, ведь в здоровом теле…

Он мягко улыбнулся.

– Знаю, в здоровом деле – здоровый дух. Но древние ошибались, на самом деле – одно из двух. В миру чаще всего говорят: нищ духом, зато какое тело! И, конечно же, предпочитают именно могучее тело.

Я подозвал пробегающего мальчишку с подносом, бросил ему серебряную монетку.

– Чего-нить сладкого. На десерт!

Мальчишка исчез, брат Кадфаэль сказал с укором:

– Деньги следует презирать.

– Особенно мелочь, – согласился я. – Брат Кадфаэль, деньги счастья не заменяют, зато помогают обходиться без него. А для простого человека разве это не важнее? Деньги – не самое главное в жизни, когда они есть.

Он покачал головой:

– Владеть собой – разве не богатство?

– Легко быть святым, – возразил я, – сидя на Синайской горе, в пустыне или в тайге. Гораздо сложнее оставаться святым, сидя на базаре.

Брат Кадфаэль помолчал, в ясных глазах уважение и немой вопрос.

– Брат Ричард, я вижу, что ты очень хорошо понимаешь наши трудности, если затрагиваешь вопросы, над которыми ломают головы отцы церкви.

Я усмехнулся, сказал легким тоном, стараясь все перевести в шутку:

– Счастье – это когда тебя понимают. А когда поймут – беда!

Кадфаэль хотел что-то возразить, но умолк на полуслове, на лице появилось тревожное выражение. Я повернулся; на пороге осматривается рослый мужчина в синем кафтане поверх стального панциря, на голове шлем с плюмажем, однако лицо открыто, нехорошее лицо: с близко посаженными глазами и непропорционально широким ртом, однако губы плотно стиснуты, придавая лицу угрюмое озлобленное выражение.

Он оглядел зал оловянными глазами, к нему поспешил подросток, но вошедший уже заметил нас с Кадфаэлем, отмахнулся и пошел через зал в нашу сторону. За ним, громыхая железом, нарочито задевая сидящих за столами, двинулись двое мордоворотов, с короткими мечами у поясов.

– Ну-ка, харя, громче тресни, – проговорил я негромко. – Тихо, брат Кадфаэль, тихо. Я знаю, ты драчливый, особенно по пьяни, но мы же в приличном месте…

Глава 5

Он пугливо огляделся, за соседним столом звероватого вида мужики заревели хриплыми голосами песню о веселой резне в урочище Темных Мечей. Чуть дальше двое затеяли борьбу на локтях, с другой стороны выставив остриями кверху ножи.

Я же чуть отодвинулся от стола, чтобы не зацепиться, вскакивая, молот на поясе напомнил о себе приятной тяжестью. Широкоротый идет, шагая тяжело, набычившись, всем видом вызывая на драку, и двое за ним держатся тоже весьма, скажем скромно, вызывающе. Он не только одет богаче, но даже ножны меча расшиты золотом, в то же время не выглядит сеньором, что-то выдает слугу, хоть и высокого ранга.

Он остановился перед нашим столом и сказал непререкаемым тоном:

– Эй, вы двое! Собирайтесь, пойдете со мной.

Брат Кадфаэль сделал движение встать, я взглядом пригвоздил к месту, осведомился со всей кроткостью:

– Кто столь любезно приглашает нас, смиренных служителей Христа?

Он прорычал:

– Лорд Марквард!

Я осведомился еще почтительнее:

– А этот лорд… Марквард, он больше или меньше императора? Короли ему сапоги чистят?

Широкоротый надулся, выпятил грудь, еще не врубившись, что именно я спрашиваю, ответил напыщенно:

– Сеньор Марквард владеет здешним замком! Ему принадлежат самые богатые земли в округе. И даже этот постоялый двор на его земле.

Я взглядом предостерег Кадфаэля, чтобы не вскакивал ни в коем случае, заметил с тем же елеем в голосе:

– Но мы с моим смиренным спутником не принадлежим.

Широкоротый наклонился над столом, упершись кулаками в столешницу, прорычал мне прямо в лицо:

– Ты что, не понял?.. Или тебя вести на веревке? Ты знаешь, кто я? Я – Клотар, глава всего войска лорда Маркварда!

Я мгновенно схватил его обеими руками за шею, раз уж нагнул так удобно, с силой ударил о столешницу. Раздался такой звон, будто шлем использовался как пустое ведро для собирания болтов и гаек. Я отпихнул обмякшее тело и вскочил, меч блеснул в руке уже обнаженный, готовый к бою.

– Что-то я сегодня добрый, – сказал я с неудовольствием. – Противно даже. Но вам, болваны, так легко не отделаться.

Болваны ухватились за рукояти мечей, но остановились. Человек, который держит ладонь на рукояти, еще не в бою, но если обнажит меч, его можно атаковать, рубить, калечить, убивать – он сам дает право, обнажая меч. А я, судя по стойке, готов именно атаковать, рубить, калечить и даже убивать, что значит – выпил достаточно.

Широкоротый железной грудой сполз со стола, повалился на бок и так залег, даже не делая попыток подняться. Я указал на него острием меча.

– Забирайте этого дурака. И не возвращайтесь. Я редко бываю таким добрым.

Они убрали ладони с мечей и, поглядывая на меня уже со страхом, с трудом подняли своего Клотара, мужик весит, как половозрелый бык, потащили к дверям.

Я сел, не сводя с них взгляда. С той стороны стола донесся вздох облегчения. Я проворчал:

– Это твое мерзкое влияние, брат Кадфаэль…

– В чем, брат паладин?

– Да отпустил вот так… Надо хотя бы пару затрещин. Или напинать. Какое-то неудовлетворение в фибрах души…

Он сказал торопливо:

– Борись с этим, брат! Даже святые постоянно боролись с соблазнами!

– Да, – ответил я, – но разве не Христос сказал: не мир я принес, но меч?

Он покачал головой.

– То было брякнуто в полемике. Ведь понятно же, что на войне как на войне… обе стороны в… этом самом. В экскрементах.

– Но трубку мира обычно раскуривают на пепелище войны, – возразил я. – Так что воевать приходится.

Я выпил еще чуть вина, что и не вино, а так, сидр, только не из яблок, отыскал на блюде лоскуток мяса и сожрал, брат Кадфаэль следил за мной с вымученной улыбкой.

– Ах, сэр Ричард, вас послушать… можно понять, откуда еретики берутся!

– Ересь – признак богатства, – возразил я. – Вон в православии никогда… или почти никогда ереси не было, ну и что? Православие – это такой гигантский монолит, что над уровнем болота и не разглядишь, та же поросшая мхом кочка. А ереси… обогащают, укрепляют, развивают, дают новые ростки, новые побеги, веточки.

Он слушал краем уха, все поглядывал на дверь. Я тоже посматривал, стараясь делать не так явно, но никто больше не вошел, а те посетители, что раньше орали песни, теперь затихли и держатся тише травы. Я ловил на себе любопытствующие взоры, но никто не решился подойти к нам с чашей вина и поздравить, хотя, судя по взглядам, таких здесь немало. Что значит, Клотара знают и очень не любят.

В нашей комнате чисто, прибрано, пес на своей роскошной тряпочке. Едва открылась дверь, вскочил и требовательно посмотрел на мои руки.

– Что, – сказал я обвиняюще, – решил, что я о тебе забыл? Какой же я сюзерен, если забуду о нуждах подданных? Я не олигарх и не депутат, я – феодал! Смотри, самое вкусное…

Я поставил на скамейку миску, нечего такому зверю наклоняться к полу, осанку портить, пес обнюхал, фыркнул, но сожрал все быстро и с аппетитом. Снова посмотрел на мои руки, я покачал головой.

– Вина не принес, уж извини.

Брат Кадфаэль сказал с укором:

– Нехорошо собачку спаивать.

– А людей?

– Людей не жалко, – ответил он, не задумываясь. – Люди сами ответствуют перед Господом Богом за свои деяния, у них – свобода воли. А вот за малых и сирых отвечаем мы, люди.

– Ладно, – сдался я, – не буду спаивать. Слышал, Бобик? Брат Кадфаэль против того, чтобы тебе употреблять вино. Мал ищщо.

Пес поднял голову и посмотрел на брата Кадфаэля недобрым взором. Даже верхнюю губу приподнял, показывая белые жуткие клыки, что означает крайнюю степень неодобрения.

– Ябедничать тоже грех, – уличил брат Кадфаэль.

– Но малый, – согласился я, – лучше допускать малые грешки, чтобы не сотворить большой. Большой – уже преступление.

– Большой грех хуже, чем преступление, – возразил брат Кадфаэль.

– Почему?

– Сегодня преступление, завтра уже нет, а грех… он всегда грех.

Я поставил меч и лук со стрелами по ту сторону ложа, чтобы всякий, кто захочет дотянуться, сперва наступил на меня, тоже молот снял и положил под одеяло. Брат Кадфаэль следил за мной полными печали и укора глазами.

Ложе затрещало под моим несредневековым телом. Я закинул руки за голову, заметил:

– Кстати, вот с таких диспутов начинались религиозные войны.

Брат Кадфаэль озадаченно умолк. Пес посмотрел на него, на меня, снова на брата Кадфаэля, громко фыркнул, словно сообразил, что худой монашек проиграл мне схватку.

– Надо заказать тебе одежду, – вспомнил я. – Эх, ладно… Будем завтракать, пошлем мальчишку на базар. Тебе какой размер? А фасон? В смысле рюшечки и фестончики где побольше, где поменьше? Накладные плечи?

– Брат паладин, – произнес он с великим укором, – как вы можете? Скромные служители Христа должны не замечать таких непотребств.

– И не замечаете?

– Не замечаем, – ответил он с достоинством. – Это там, на Юге, человек видит только оболочку, а мы учим видеть души…

– Если они есть.

– Они у всех есть, – возразил он. – Не у всех души – блистающие алмазы, есть мелкие души, есть никчемные, пустые, гнилые, продажные, червивые, подлые, но на то и есть мы, служители Господа нашего, чтобы спасти эти души от еще худшей участи…

– Да, – согласился я, – по слухам, дьявол обитает на Юге. Ты уверен, что доберешься? Вон тебя еще на полпути как встретили!

– Я не дойду, – ответил он просто, – другой дойдет.

– Ладно, – сказал я, – мне ехать в Каталаун, там пройдет рыцарский турнир. Какое-то время нам по дороге. А уже оттуда, если уцелеешь, поедешь один.

Он воскликнул:

– Спасибо, брат паладин!

Я отмахнулся.

– Не благодари. Я уже сам себя трижды назвал дураком за такую идею.

Кто-то громко и ясно, хотя и абсолютно беззвучно, произнес над ухом: «Опасность». Я мгновенно проснулся, сна ни в одном глазу, везде темень, слышно мерное дыхание Бобика. Я напрягся, слушал, глаза не то чтобы привыкали к темноте, но происходило нечто странное: я начал различать красноватые силуэты: один на лавке, другой на полу.

Так, наверное, видят змеи, они реагируют на тепловое излучение. Еще помню, что солдат, которые в ночь, снабжают приборами инфракрасного видения. Сейчас я чем больше всматриваюсь, чем отчетливее различаю фигуры Кадфаэля и пса.

Кроме них, в комнате никого. Если бы прошмыгнула мышь или крыса, я бы их увидел: теплокровные, это были бы прокатившиеся внизу два багровых комочка. И брат Кадфаэль, и пес выглядят отчетливо, хоть и со смазанными краями: все-таки кожа близка к температуре окружающей среды. Пес, правда, сияет, как маленький ядерный реактор: у собак температура намного выше, чем у людей.

Внезапно появился еще один источник багрового сияния: едва различимый, туманный, он двигался неслышно, явно крадучись. Я смутно удивился, что наша комната так велика, а потом сообразил потрясенно, что это кто-то по ту сторону стены, что и не стена вовсе, а так, в одну доску, только и того, что покрашенная.

Человек двигался очень медленно, часто застывал, прислушивался. Потом я понял, что он прикладывается ухом к стене с той стороны, ноздри уловили странный запах, не сказал бы, что неприятный, но тревожащий, ничего общего с ароматами кухни, столярным клеем или потными телами.

Стараясь даже не дышать, я сполз с ложа, меч в руке, потихоньку прокрался ближе. Странно, что даже пес не шелохнулся, сопит мощно, я на ходу нарочито задел его босой пяткой по носу, никакой реакции.

Багровое пятно растеклось по невидимой стене, словно некто пытался протиснуться через прозрачное стекло. Я задержал дыхание, напрягся, рукоять меча стиснута обеими руками, я направил острие в сторону багрового пятна и, нацелив, как копье, в то место, которое должно быть левой половинкой груди, с силой нанес удар обеими руками.

Острие проломило тонкую дощатую стенку, как лист картона. Меч вошел в тугую плоть, погрузился хорошо, не меньше, чем на две ладони. Я тут же рывком выдернул и, во второй раз задев пса, пробежал по комнате и выскочил в коридор.

В слабом свете по коридору торопливо убегал человек, держась обеими руками за живот. Под стеной лежит странного вида деревянная дудка, такой индийские факиры заклинают змей. Я бросился вдогонку, у неизвестного подломились ноги, рухнул с грохотом, с трудом перевернулся на спину. Грудь залита темной кровью, обеими руками зажимает кровоточащую рану, в лице изумление и страх:

– Как… ты…

Я спросил быстро:

– Говори, кто ты? Почему травил нас?.. Кто тебя послал?

– Сам… знаешь, – прошептал он.

– Откуда? – спросил я. – Говори же, дурак! Тебя еще можно спасти! Скажи, кто тебя послал, и ты останешься жить!

– Не останусь…

– Я могу спасти. Я – паладин.

– Ты – да. Но он не позволит…

Слова срывались с губ все тише, он дернулся и затих. Глаза бессмысленно уставились в потолок, на губах выступила зеленая пена. Я оглянулся на дудку, поколебался и, не пряча меч, пошел на хозяйскую половину.

Дверь подалась без скрипа, в комнате горит свеча, хозяин склонился над столом, двигает руками, рубашка расстегнута до пояса. Рукава засучены, с ним двое крепких парней, явно сыновья, мощная бабища и та крутобедрая девица, что принимала у нас заказ. Лица у всех усталые, осунувшиеся, на столе горка монет, хозяин что-то бубнит, раскладывая на разные кучки.

Я подошел с обнаженным мечом в руке, кровь стекает по лезвию на пол широкими красными каплями. Хозяин охнул, вскочил, а я спросил:

– У вас всегда хомячок кверху лапками спит?

Челюсть у него отвисла, спросил, заикаясь:

– К-к-какой… хом-м-мячок?

– Рыженький такой, – объяснил я. – С бородкой. Там, в коридоре.

Он кивнул сыновьям, те выскочили из-за стола, осторожненько протиснулись мимо меня, прижимаясь спинами к косяку. Девица посмотрела на меня, на отца.

– Я же говорила, что с такими гостями одни неприятности!

– Где неприятности, – сказал я, – там и прибыль. Это азы бизнеса. Чем выше риск, тем выше прибыль, как сказал великий Карл Маркс. Не знали?

Хозяин оторвал взгляд от моего меча, кивнул, лицо оставалось все еще бледное.

– Да, после того, как вы отделали самого Клотара, завтра сюда набьется народу вдвое больше.

– Повысьте цены на пиво, – посоветовал я. – Ладно, я иду спать. Посмотрите в коридоре еще на странную такую дудку. Похоже, он через нее вдувал к нам какую-то гадость. Мой монашек спит, как коней продавши, а пес даже не копыхнулся. Наверняка такая дудка немало

стоит, но оставьте себе как бонус, только с ее помощью гостей не обирайте. А в обмен сделаете вот такое христианнейшее дело, что зачтется на небесах: подберете одежду для монаха, что со мной, а я никому ни слова о том, что здесь случилось.

– Ваша милость, – сказал хозяин, просветлев лицом, – вы нас спасаете!

– Значит, договорились?

Они кивали, в такие дела закон лучше не впутывать, я тоже кивнул и вышел, закрыл дверь. Труп из коридора уже исчез, один из парней, который постарше и пошире в плечах, торопливо убирает тряпкой кровавую лужу, другой осторожно вертит в руках дудку.

– Не оцарапайся, – посоветовал я. А другому сказал: – Кто не брезгует самой грязной работой, тому и быть хозяином. Проверено зануссей!

Парень перестал краснеть, второй уязвленно нахмурился. Я вошел в комнату, поставил меч у изголовья, не вкладывая в ножны, лег и, к своему удивлению, заснул легко и просто, без всяких угрызений совести.

Утром разбудили чертовы петухи, кто их только назвал божьими птицами, да еще рев скота, ржание коней, крики, скрип телег, это хуже, чем дорожный шум на Садовом кольце, я поднялся сонный, протер кулаками глаза.

Брат Кадфаэль с укором смотрел на мой меч. Зато пес поглядывал весело, скалился во всю широченную пасть. Я проследил за их взглядами, на полу небольшая темная лужица, натекло с лезвия моего меча. Сейчас уже застыла, потемнела, но даже брат Кадфаэль понимает, что это не вишневый компот, хотя и похоже.

– Я лунатик, – сообщил я. – Ничего не помню. Прошлый раз, правда, половину города зарезал, всех женщин обесчестил, слуг перебил, а потом еще и дома подпалил… Пироманьяк я потому что! Это ко всем моим непревзойденным достоинствам.

Пес скалил зубы, брат Кадфаэль покачал головой.

– Все шутите, брат?..

– Да, кто-то пытался нас усыпить, как дрозофил. Я даже не понял, из-за кого.

– Наверное, из-за меня, – сказал брат Кадфаэль грустно. – Не все принимают веру Христа с великой радостью, не все…

– Не все, – согласился я. – Вот полабские славяне совсем не ликовали. Ладно, сейчас неудавшегося киллера ласково вопрошает небесная инквизиция, а мы отправимся завтракать.

Он спросил грустно:

– Брат паладин, ты в самом деле можешь вот так…

– Как?

– Убить человека, а потом идти завтракать?

– Дык аппетит только разыгрывается! – воскликнул я. – Это ж такой впрыск адреналина и желудочного сока!

В коридоре нас встретила хозяйская дочь, в руках огромный тюк, сказала, вытягивая шею:

– Уже встали? Ранние пташки! А мы вам одежку подобрали…

– Это вы ранние, – сказал я, – но какие молодцы… Быть вам монополистами в отельном бизнесе! Брат Кадфаэль, ты пока примерь, а мы с Бобиком закажем завтрак поплотнее. Ты знаешь, где нас найти.

Брат Кадфаэль смотрел на кучу одежды с недоумением.

– Это… мне?

– Не будешь же ты расхаживать и дальше в моей рубахе?

– Жадничать нехорошо, – сказал он с укором.

Я отмахнулся, мы с псом спустились на первый этаж, но перед входом в столовую нас перехватил хозяин. С опаской поглядывая на пса, он заговорил негромко, при этом заметно нервничал, приглушал голос и все время оглядывался:

– Человека, которого вы… никто не видел на постоялом дворе. Дудка у него непростая, такие уже находили в старых городах. Можно выдуть хоть туман, что скроет все на половину мили, хоть дождь, можно даже снег, что труднее… но никто не знал, что можно еще и разные запахи. Похоже, вас старались просто крепко усыпить, чтобы не то обокрасть, не то…

Он умолк, я кивнул, договорил:

– Либо что-то более кардинальное. Но будем считать, что мелкий воришка влез по стене и пытался нас обокрасть. Иначе отпугнем постояльцев, верно?

Он вздохнул.

– Ох, как верно! Вы и не представляете, ваша милость, какое это трудное дело – содержать постоялый двор.

– Догадываюсь, – сказал я. – Днем работаете, ночью строите менеджмент на следующий день?.. Ладно-ладно. Нам хороший плотный завтрак, харчей в дорогу, и мы отбудем.

В обеденном зале народу почти нет, по взмаху руки хозяина слуги торопливо накрыли скатертью тот же столик в помещении для чистой публики. Пес вздохнул и полез под стол. Хозяин поклонился, спросил:

– Ваша милость, харчей на сколько дней?

– Да чтоб хватило до ближайшего города, где будет гостиница. Учти только, что мой пес любит жареное мясо.

Он вскинул кустистые брови, в глазах недоумение.

– Если еда с вашего стола не подходит вашей собаке, то не лучше ли… прогнать эту зажравшуюся скотину?

– Он мне дорог как память, – объяснил я. – Так что поторопись, брата Кадфаэля тянет на подвиги.

– А вас, ваша милость?

– Я у него в послушниках, – объяснил я.

Он ухмыльнулся:

– То-то и видно. Очень удобная позиция, кстати.

Глаза у него были хитрые, но лицо смиренное, он-де всего лишь слуга, а покупатель всегда прав.

– А ты не дурак, – заметил я.

– Вы тоже, ваша милость, – заметил он кротко. – И понимаете, что лучше вам уехать как можно быстрее. Клотар – человек злопамятный.

На стол снова подали жареную птицу, мудро полагая, что кашу маслом не испортишь: если вчера понравилось, то и сегодня не откажемся. Правда, вместо гуся – жареные перепела, но зато столько, что я последнего доедал через силу, про запас, не оставлять же, и еще штуки три бросил под стол, где их ловил на лету пес и пожирал с великим энтузиазмом.

Зал постепенно заполнялся народом, я уже готов был перейти к сладкому, когда появился брат Кадфаэль. Нарядный, в великолепной рубашке, заправленной в брюки из тонкой кожи, сапоги из кожи поплотнее, но выделанной так же тщательно, широкий пояс с кольцами для ножа и фляги.

– Это женщин красит отсутствие одежды, – заметил я, – а вот насчет монахов…

– Нехорошо, – сказал он с великим осуждением, в светлых, как речной лед, глазах стояла великая печаль, – у них не нашлось монашеского одеяния, представляете?

– По дороге купим у монахов, – успокоил я. – Неужели те, что на воротах, не поделятся с собратом? За деньги, конечно.

– Если за деньги, – спросил он грустно, – разве это дележка?

– Ладно, проехали, – ответил я. – Ешь, это постное мясо. Если я, паладин, говорю, что постное, то оно постное!

Глава 6

На первое нам подали горячую, чуть ли не кипящую, уху, дальше я терзал посыпанный горькой травкой большой кровавый кус мяса, а брат Кадфаэль старательно ковырялся в тарелке с овощами, где я заметил и несколько картофелин. Похоже, Колумб уже побывал на континенте, где растут незнаемые в Европе картофель, помидоры, кукуруза и прочие заморские диковинки, брат Кадфаэль ест привычно, не удивляется, хотя раньше я, признаться, картофеля не встречал. Возможно, сказывается близость Юга?

В огромном помещении внезапно стало тихо. Я быстро поднял голову, по ступенькам в зал спускается крупный, очень богато, но без пышности одетый мужчина. Еще двое остались у дверей, а он направился к нам. Выглядит, наверняка им и есть, знатным и могущественным лордом: позолоченная кираса празднично блестит под красным бархатным камзолом, меч с богато украшенной рукоятью и в расшитых золотом ножнах висит на роскошной перевязи, она тоже украшена золотыми нитями и серебряным шитьем, брюки из тонко выделанной кожи, сапоги с золотыми шпорами, как же – рыцарь, но мое внимание приковало лицо: крупное, с квадратной нижней челюстью, суровые складки у губ, гневный излом бровей, холодные и слегка прищуренные глаза. Крупный зверь, определил я. И матерый, что значит, не набросится, как щенок.

Остановившись перед нашим столом, отвесил легкий поклон.

– Могу я присоединиться?

Я выразительно посмотрел на пустые соседние столы.

– Вообще-то в трактире мест достаточно. Но если почему-то жаждете посидеть именно с нами…

Я сделал паузу, он ответил сдержанно:

– Вы удивительно точны.

– Тогда присаживайтесь, – сказал я. – Сегодня я тоже добрый. К дождю, наверное.

Он еще раз поклонился, чуть-чуть, сел, красивым жестом передвинув перевязь, чтобы длинные ножны не мешали за столом. Брат Кадфаэль уже ковырялся в рыбе, отодвинув перепелов и овощи, на пришельца поглядывал кротко, без боязни и смущения, ведь все люди – братья, если по Адаму, это по матерям они разные: одни от Евы, другие – от Лилит, я отставил чашу и смотрел на рыцаря с ожиданием.

– Я – лорд Марквард, – назвался он. – Это мой замок там на горе.

– Это от вас являлся один дурак, – поинтересовался я, – который вряд ли умеет даже шнурки сам завязывать?

Он скупо усмехнулся.

– Зря недооцениваете. Это очень сильный и жестокий человек. Просто он очень давно не встречал отпора, вот и…

– Расслабился, – закончил я. – Что ж, зато это его спасло.

– Не нужно так недооценивать, – повторил он. – Но я пришел, как видите, сам. Рассматривайте это и как извинение за грубость и недостаток такта в приглашении. Клотар – воин. Вот если бы я велел ему привести вас силой…

– Он остался бы здесь трупом, – прервал я очень любезно. – Вместе со своими слугами.

– Это не слуги, – ответил он автоматически. – Это… впрочем, неважно. У меня нет причины с вами ссориться. Наоборот, я хочу вам предложить работу.

Я ответил высокомерно:

– Вы меня ни с кем не путаете? Я – рыцарь, а не ремесленник.

– Извините, – сказал он поспешно, – я просто неудачно выразился. В последнее время мало встречаю рыцарей, а все больше торговцев. Скажем так, как старший рыцарь я обращаюсь к младшему…

Я прервал:

– Простите, вы не мой сюзерен.

Он поморщился, в глазах начали проскакивать злые огоньки, в голосе зазвучала металлическая нотка.

– Я сюзерен здешних земель, этого достаточно. И я рассчитываю на какое-то уважение к моему возрасту, если вы в своей неразумной гордыне… простите, не понимаете, что со мной лучше бы разговаривать другим тоном.

Я пожал плечами.

– Во-первых, граф, вы не знаете мой ранг, а он, возможно, повыше вашего. Во-вторых, мне от вас ничего не надо, а вот вам от меня… Не так ли? Или будете уверять, что просто мимо шли?

Рифленые желваки вздулись у него с такой мощью, что кожа из коричневой стала белой. Кадфаэль задержал дыхание, я ждал взрыва, однако граф справился с приступом гнева, медленно перевел дыхание, а его крупные кулаки медленно разжались.

– Да, – выдавил он очень нехотя, – я в самом деле нуждаюсь в помощи… сильного и отважного человека. Неделю назад еще такой нужды не было. Не будет и неделю спустя, когда вернутся мои люди из Леса Одинокого Тролля. Но именно сейчас… Я богат и знатен, сейчас половина моих людей в Ольстерлине, а другая – в Тартле. Там небольшие затруднения с проникшими в те земли троллями, я послал защитить крестьян и очистить от всяких тварей. Те земли приносят мне большой доход, я не хочу их терять…

Кадфаэль сказал сочувствующе:

– Рискованно оставаться без верных людей.

Он отмахнулся.

– Здесь мирный город. Кроме того, со мной пятеро надежных воинов. Этого достаточно, чтобы удержать замок в повиновении. А вот для нового срочного дела нужны люди. И не когда-то, а сейчас.

Я вскинул руку, прерывая:

– Сэр, со всей почтительностью… вы заметили, почтительностью!.. должен заранее отказаться от всего, что вы предложите. Я – рыцарь, который едет на турнир в Каталаун. И ничего другого…

Он усмехнулся, покачал головой.

– Думаете, это по вам не видно? Многие рыцари едут в Каталаун. Но то, что вам хочу поручить, будет абсолютно не в тягость, а заплачу так, как вы никогда не получали…

Я смолчал, когда он выразительно посмотрел на мои вытертые брюки, плотную рубашку со следами кольчуги. Даже сапоги у меня простые, без золотых рыцарских шпор, вообще без шпор, как будто и не рыцарь.

– Сто золотых, – сказал он веско и взглянул мне в лицо. – Вы получите сто золотых монет.

– Ого, – сказал я. – За что же? За убийство дракона, наверное, заплатили бы меньше.

Он поджал губы, не понравилось, что я не упал в обморок, услышав такую сумму, не бухнулся на колени и не начал целовать ему руки.

– Дело в том, – ответил он нехотя, – что я давно собираюсь отправить свою дочь Женевьеву ко двору короля. Ей пора учиться придворным манерам. Да и вообще… молодой красивой девушке не место в городе, куда вот-вот подойдут войска императора Вильгельма Блистательного или войска короля Конрада.

Я покачал головой.

– С чего вдруг?

– Ходят слухи.

– Вы прекрасно понимаете, что это слухи, – отпарировал я. – Эти земли и так в союзе с императором и с королем Конрадом.

– Все равно, здесь может оказаться много ратного люда, – возразил он. – Пусть даже наши войска, а это не то общество.

– Сожалею. Ничто не может свернуть нас с пути.

– А вам и не надо сворачивать, – сказал он убеждающе. – Вам все равно проезжать через земли герцога Нурменга. Просто доставите ее к его двору, вот и все. А он уже сам введет ее в окружение короля. Он же и наградит вас, это достойный человек…

– С чего вдруг? – поинтересовался я.

Он улыбнулся.

– Он не только мой старый друг, но и многим мне обязан. Кроме того, при его дворе немало моей родни, они тоже станут вашими друзьями. А при той задиристости и неуступчивости, что из вас торчат, как железные стержни, вам не помешают добрые друзья и покровители.

Я покачал головой, он прочел ответ в моих глазах и добавил с нетерпением:

– Я заплачу вам сто золотых монет. В здешних краях никто не видел таких денег. Но это покажет вам, как я ценю свою дочь. Кроме того, хоть у вас, сэр Ричард, и достойный конь… я почти догадываюсь о его происхождении… это не простой конь, но в долгом пути нужен хоть один в заводные! Я дам вам двух, что смогут пронести вас по озеру с такой скоростью, что едва-едва намочат копыта!.. По болоту проскачут так, что разве что колыхнется ряска!

Он видел, что при словах насчет ста золотых монет я не повел и глазом, а вот упоминание о конях заставило меня поколебаться. Я покосился на брата Кадфаэля. Не все же время ему вытирать нос о мою широкую спину…

Брат Кадфаэль смиренно жевал травку, какие-то клубни, похожие на кумкват, только красные, не вслушивался, все о высоком, все о высоком, решать мне, я пробормотал с досадой:

– Почему это деньги и красивых женщин постоянно перевозят с места на место?.. Во всем этом, дорогой сэр, одна неувязочка… У меня почему-то странное ощущение, что дело вовсе не в том, что вам срочно восхотелось отправить дочь к королевскому двору. Не хотите сказать правду?.. Ладно, дело ваше. Так вот мой ответ: я отказываюсь. И все разговоры на эту темы бесполезны. Не смею больше вас задерживать… сэр.

Это было оскорбительно, будто отпускаю слугу, он это знал, а еще видел, что я делаю это нарочно. Лицо налилось нездоровой багровостью, на висках вздулись толстые синие вены, потемнели, как сытые пиявки. Кадфаэль снова перестал дышать, а я внимательно следил за каждым движением графа. Те двое у дверей смотрят в нашу сторону, но ни один пока не сдвинулся с места.

– Вы… – сказал граф сдавленным голосом, – забываетесь… но я, чтобы показать свою добрую волю, объясню все до конца. Дело в том, что моя дочь из подростка превратилась в молодую и очень красивую девушку. На нее стали обращать внимание многие мужчины, но, к несчастью, обратил внимание и разбойник Грубер…

Кадфаэль вздрогнул, глаза стали испуганные, как у птицы в гнезде.

– Грубер, – повторил я, – Грубер… Это который барон, он же властелин Дикого Поля, а также эрл Натерлига и Гунлара, владетель Дикси и Серых Сосен…

Марквард скривил губы в нехорошей усмешке.

– У вас прекрасная память, сэр Ричард. Прекрасная! Я вижу вашу издевку в адрес этого разбойника, но, к сожалению, преувеличения здесь не так уж и много. Он – разбойник, но его сила стремительно растет, он объявил себя бароном, и по той мощи, которой владеет, он уже и есть барон Дикого Поля. Уже захватил большие земли, обложил налогом. Мог бы выстроить замок, но, боюсь, мечтает захватить готовый… Потому я спешу отправить дочь подальше. Грубер слишком занят укреплением своей мощи здесь, чтобы броситься разыскивать мою дочь…

Я покачал головой.

– Нет. Я не гожусь в охранники молодой девушки. К тому же не настолько силен, как это могло показаться. Знаете, как петух, что топорщит перья и раздувает грудь, так и я просто пугал этих дураков. Но если бы решились попереть, пришлось бы убегать… если, конечно, сумел бы.

Он усмехнулся, глаза изучающе пробежали холодным взглядом по моему лицу.

– Я так и подумал. Но вы держались хорошо, кто же знал, что это блеф? Да и сейчас… об этом будем знать только я и вы. Я потому и предложил, что это вам по дороге. Никуда не нужно сворачивать – все равно на свой турнир проедете через земли герцога Нурменга!

– Не нравится мне это, – сказал я.

Но он уже заметил трещинку в моей обороне, усилил натиск:

– Я дам вам с собой троих своих лучших людей. Грубер не будет знать про отъезд, а потом станет поздно. Я же говорю, он прикован к этим землям, у него здесь слишком много вложено!.. А вам до земель герцога всего-то ехать трое суток.

Я нахмурился, что-то не нравится, когда стараются нагрузить чем-то, это инстинкт, хороший инстинкт выживания, я сказал с подозрением:

– Сэр, но сколько ехать до замка этого Нурменга? Если не доберемся за день… а я полагаю, что не доберемся, то где будет спать ваша дочь, если не встретим города с хорошей гостиницей?

Он покачал головой.

– Доблестный сэр, у меня два сына и только одна дочь. Она всегда играла с ними в их мальчишечьи игры. Так же точно научилась ездить верхом, может спать у костра. Она не доставит вам хлопот. Я еще и потому хочу ее поскорее к герцогу Нурменгу, чтобы она там избавилась от мальчишечьих привычек и научилась вести себя, как подобает знатной даме.

Его лицо подобрело, губы тронула легкая улыбка.

Я спросил с недоверием:

– Вы хотите, чтобы она ехала верхом?

– Нет, конечно, – ответил он быстро. – Это еще допустимо для девчонки, но недопустимо для леди. Я даю хорошую крытую повозку, где моя Женевьева будет спрятана от посторонних взоров. Но коней велю впрячь таких, что никому не покажутся медленными!.. А теперь, если мы договорились, я просил бы почтить нас посещением. Я уже отдал приказ, чтобы все подготовили. Я имею в виду и самую лучшую повозку, самых лучших коней и, конечно же, сто золотых монет.

Я ощутил раздражение, слишком он уверен, что стоит потрясти перед моим носом горстью золота, и я сразу соглашусь, но сказал только:

– Ладно, но только если у вас в самом деле все готово. И если это мне по дороге.

Я хотел навестить графа в его замке один, быстро взять эту самую Женевьеву и уехать, но брат Кадфаэль попросился со мной, а я подумал, что у графа наверняка найдется и хороший мул, ведь монахам запрещено садиться на коней, как и брать в руки колюще-режущее оружие, из-за чего они если и вооружались, то лишь дубинками.

Пес – не монах, его я решил взять сразу, как только увидел, что графу он не нравится. Мы въехали в замок, слуги увели коней, а мы вчетвером, включая пса, поднялись в графские покои. Марквард велел принести вина, я отказался, но слуги все равно быстро собрали на стол все великолепие из посуды, что скопилась у графа: серебряные и золотые тарелки, золотые чаши с драгоценными камнями, высокие кубки с вделанными в края россыпями рубинов, всякие золотые статуэтки, которые нельзя приспособить ни под солонки или перечницы, ни под светильники, а созданные только для пылевглазопускания.

Граф хлопнул в ладоши снова, через некоторое время в дверях в полумраке появилась стройная, почти худая женщина, я почему-то решил, что она испанка. Медленно и грациозно

прошла по залу по прямой, но мне казалось, что ее тело струится, как бегущая по камешкам темная ночная вода, села в кресло, явно предназначенное для нее, взгляд темных, миндалевидных глаз диковат, словно она из тех времен, когда по земле ходили боги, смотрит вроде бы прямо, но что видит из-под этих настолько длинных ресниц, что на них может сесть воробей?

Черные как смоль волосы падают на спину ровным водопадом, лишь где-то на уровне лопаток сколоты продолговатой серебряной заколкой. Полные губы кажутся темными, оттого ярче сверкнули зубы, когда не то улыбнулась, не то что-то сказала молчаливому слуге, вставшему за спинкой кресла. От розовых мочек к плечам опускаются простые серебряные серьги, на что я сразу обратил внимание: люди такого ранга могут носить бриллианты, оправленные в золото. Если же серебро, то непростое серебро.

Я следил, как она беседует со слугой, тот слушает со всей почтительностью, я слов не слышал, только смотрел, как двигаются ее почти сливовые губы, поблескивают зубы, только глаза не меняют выражения, как и лицо, спокойно-равнодушное. Потом она откинулась на спинку кресла, легко забросила ногу на ногу, не свойственный здешним женщинам жест, прикрыла глаза, отчего тень от ресниц укрыла пол-лица.

– Моя дочь, – произнес наконец граф, он наблюдал за моим лицом, чуть улыбнулся. – Женевьева Лира Рэд, если полностью, а так – Женевьева. Друзья зовут ее Жени, но таких мало. Я вижу, вы от нее не в восторге. Однако мужчины не могут отвести от нее глаз! Так что пора ее в приличное общество…

Я повернулся, встретил его прищуренный взгляд.

– Вы нас видите впервые. Не рискованно ли доверять драгоценную дочь незнакомым людям? Уж не говорю про сто золотых монет и двух прекрасных коней! Да, кстати, понадобится еще и мул для моего спутника.

– Мул?

Я кивнул в сторону молчаливого Кадфаэля, монах вообще старается выглядеть тенью.

– Моему спутнику духовный сан не велит ездить на коне.

Он развел руками.

– Мул будет. А золото… Что золото? Дело наживное. Золото лишь показывает, что я достаточно могущественный человек. Кони… да, кони – ценность, но наш край – лучшее на земле место, где лучшие на свете кони. И от этих жеребцов, что предлагаю вам, уже подрастают молодые жеребята. И вот только дочь – настоящее сокровище, вы правы. Однако я прожил долгую жизнь… намного дольше, чем вы можете представить, и научился отличать людей, которым можно верить.

Я поклонился, еще до конца не убежденный, злясь на себя, что взваливаю на себя обузу в виде женщины.

– Ладно, повозка во дворе?

– Уже запряжена, – сказал он быстро. – Все это не стоит вашего внимания. Вам нужно будет только ехать поблизости. И проследить, чтобы коляска въехала в ворота замка герцога. Можете даже не заезжать сами! Я же сказал, это моя родня.

Я покосился на Кадфаэля, на этот раз на его лице отчаянная мольба, чтобы согласился, ведь христианин должен помогать другому христианину, тем более когда в уплату идут чудесные кони, все знают, что во всем королевстве нет лучше коней, чем у Маркварда.

Я сдвинул плечами.

– Не уверен, что поступаю верно, но… согласен. Мы беремся доставить вашу дочь.

Он повернулся к двери, крикнул зычно:

– Хриндра!.. Хриндра!

В комнату вошла грузная темноволосая женщина с крупным суровым лицом, по-своему красивая, если кому нравятся решительные и полные достоинства бульдоги. Смуглое лицо кажется белым в сравнении с иссиня-черными бровями вразлет, темным пушком над губой,

огромные, как дыни, груди выпирают из-под темной кофты, черная юбка скрывает ноги до самого пола.

Она сразу смерила меня подозрительным взглядом, губы сомкнулись в тонкую линию. Я ощутил раздражение, но смолчал.

– Хриндра позаботится о моей дочери, – пояснил граф.

Кадфаэль по-христиански поклонился, а я спросил:

– Это как же?

– Неприлично отправлять молодую девушку одну, – пояснил граф. – Тем более в компании одних мужчин.

– А она ездит верхом? – поинтересовался я.

– Повозка достаточно просторная, – объяснил граф. – Четверка коней с легкостью потащит хоть скалу!

Я покачал головой:

– Нет. Вы сказали, что ваша дочь прекрасно держится и в седле. Если тащиться только с повозкой, то придется выбирать всегда объездные пути, хорошие дороги. А вдруг случится такое, что повозку придется оставить?

Он покровительственно усмехнулся.

– Вы человек предусмотрительный. И осторожный! Это хорошо. Но я плачу и за неудобства.

Кадфаэль посмотрел на меня удивленно и вместе с тем умоляюще. Похоже, я в его глазах веду себя совсем не по-паладиньи.

Я сказал холодновато:

– Вы попросили оказать вам услугу. Я, по мере сил, готов был оказать. Извините, я недооценил ее размеры. Извините, вынужден отказаться.

Не дожидаясь ответа, я коротко поклонился, кивнул Кадфаэлю, чтоб не отставал, а то здесь и куры загребут, пошел к двери. Кадфаэль догнал на пороге, сказал жарким шепотом:

– Брат паладин, вы держитесь странно! Я уже не говорю про сто золотых монет, которые можно пожертвовать церкви!.. Кстати, можно было бы выжать еще десять… а то и двадцать! Но вы отказали в помощи юной девственнице…

Я отмахнулся.

– Девственнице?

– Ну да!

– Ты и это заметил, скромняга?

– Я думал, что вы тоже рассмотрели ее серьги!.. Отказать в помощи женщине… я от вас не ожидал.

– Женщина и не пикнула, – напомнил я. – Может быть, ей вовсе не хочется уезжать. Может быть, у нее тут куча любовников, с которыми развлекается, не теряя девственности… Да-да, и так бывает, грамотный ты наш! Все, что мы слышали, – это доводы ее отца, который мне как раз и не понравился!

А про себя подумал, что и сама дочка графа не понравилась. Мне больше по вкусу голубоглазые блондинки с пышным бюстом и полными губами, а эти испанки того и гляди зарежут, как Кармен бедного тореадора Хозе.

– Я еду на турнир, – объяснил я. – Там получу больше. А если будем сопровождать двух баб в повозке, что тащится, как черепаха, то не успеем и к закрытию.

Мы спустились по лестнице, а когда шли через широкий двор, сверху появился, свесившись через перила, граф. Я сделал вид, что не слышу его настырный голос, увещевающий, уговаривающий, взывающий и призывающий договориться. Но я сказал себе, что это деловые люди договариваются, а я – рыцарь, более того – паладин, рыцарей хоть понять можно – за баб-с дерутся, а тут вовсе за абстрактные идеалы вроде чести, совести, благородства, верности!

Глава 7

На постоялом дворе я седлал Зайчика, пес прибежал на зов, довольный и даже счастливый, что снова с людьми, что может бродить по двору, трогать лапой свинью в луже и никто не бросается от него с истошным криком. Трактирщик вышел нас проводить, невиданное дело, я поблагодарил за снаряжение брата Кадфаэля, спросил, где по дороге заехать к хорошим коневодам, надо купить мула.

Трактирщик начал припоминать, у кого мулы покрепче, вздрогнул, глаза уставились через мое плечо. Я быстро повернулся, со стороны центра города быстро несется в нашу сторону легкая крытая коляска, почти карета, крепкий угрюмый мужик правит четверкой великолепных коней, дверца и окошко коляски закрыты.

Солнце выглянуло из-за тучи, ударило в глаза, но еще ярче заблистала повозка. Я наконец-то сообразил, что она вся от верха до колес отделана золотом. Четверо длинногривых коней впряжены в затейливого вида постромки, на козлах жилистый мужик в кожаных латах, вожжи туго натянуты, удерживая звероватых коней.

Коляска остановилась перед воротами постоялого двора, почти перекрывая нам выезд. Возница слез, в руках скамеечка, поставил на землю и распахнул дверцу.

Показалась мощная фигура графа Маркварда. Одной рукой оперся о косяк, повозка скрипнула и перекосилась, другую лапу опустил на плечо кучера, тот закряхтел и согнулся, а Марквард величественно сошел на землю, сразу заулыбался, раскинул руки.

– Вот видите, дорогой сэр Ричард! Мы вовремя. Ничуть не заставили себя ждать.

Я нахмурился.

– Насколько я помню, мы не договорились.

Он ахнул в притворном удивлении.

– Как это? Я принял все условия. Хриндру оставил в замке, хотя это крайне неприлично отпускать девочку одну, но я верю вашей рыцарской галантности и девственности…

Я сказал раздраженно:

– Кроме меня, есть и другие мужчины. Знаете, сэр Марквард, не пытайтесь воздействовать на мое чувство долга. На мне все обломались: и общечеловеки, и патриоты, и западники, и зеленые, и даже единоросы. Словом, пусть вашу благороднейшую дочь сопровождают другие. Dixi!

Я вставил ногу в стремя, взялся за луку и взобрался на Зайчика. Кадфаэль тоже ухватился за седло, готовясь вскарабкаться наверх и сесть за моей спиной, трактирщик бросился освобождать ворота, Марквард побледнел, приблизился ко мне вплотную, впервые я увидел в его глазах страх.

– Сэр Ричард, – проговорил он почти умоляюще. – Я не хотел тебе говорить… Но здесь моей дочери грозит беда.

Я смолчал, за моей спиной Кадфаэль пробормотал:

– Да почему не проехать пару дней бок о бок с повозкой?

– Или вообще в сторонке, – добавил Марквард искательно, – но держа ее в виду?

Он, ухватившись за стремя, посмотрел на меня снизу вверх с мольбой в глазах. И хотя я подозреваю, дитя своего века, что это только купеческий прием, чтобы втюхать негодный товар, но заколебался, а Марквард, чуя слабину, сделал вид, что вот сейчас рухнет на колени.

– Ладно, – буркнул я. – Но я ничего не обещаю лишнего. Довезу до замка герцога, и все.

– Благодетель! – вскричал он. – Жени!.. Жени, выйди поблагодарить нашего спасителя!

Занавеска в окошке отодвинулась, на миг показалось женское личико. Оно мне показалось миловидным, затем дверка распахнулась, в проеме встала во весь рост крепкая ладная девушка в синем платье до пола, густые черные волосы убраны в затейливую прическу, бледное

лицо превратилось в маску ярости, на которой грозно горят крупные глаза лиловой тучи, в их недрах грозно блещут молнии. Она мне показалась мало похожей на ту ленивую красавицу в замке Маркварда, почти засыпавшую в томной неге.

– Отец, – произнесла она сквозь зубы, – уж не продаете ли меня на ярмарке скота?..

Марквард вскричал:

– Жени, не говори так! Я тебя безумно люблю и, конечно, волнуюсь. Итак, сэр Ричард, я доверяю вам свое единственное чадо, свое сокровище!.. Жени, вернись в повозку, больше тебя никто не потревожит.

Она ожгла меня ненавидящим взглядом, отступила, дверь захлопнулась с такой силой, что повозка едва не рассыпалась. Я помолчал, подыскивая доводы, чтобы отказаться снова, эта вельможная дочь не понравилась еще больше, даже очень не понравилась, если сказать мягко, а если точнее, то я к ней ощутил такую же неприязнь, как и она ко мне.

– Ладно, – ответил я холодно, – в конце концов, всего лишь два-три дня. Хотя раньше я что-то не замечал за собой излишней благотворительности.

Марквард вскинул взгляд, явно хотел напомнить, что сто золотых монет – это не совсем благотворительность, но вздохнул и смолчал. Я поморщился при виде золотой отделки, глупая роскошь утяжеляет повозку, но не успел слова сказать, как с улицы во двор въехали трое всадников, все в легких, но добротных доспехах, шлемы открытые, кольчуги блещут новенькими кольцами. На шлеме одного трепещет синее перо, второй держит в поводу крепкого молодого мула.

Все трое остановились возле телеги с видом охранников. Я нахмурился, не узнать во всаднике с пером на шлеме моего вчерашнего знакомца Клотара трудно, у него великолепный кровоподтек на лбу, один глаз заплыл, я спросил резко:

– Это что? Эти тоже с нами?

Граф сказал быстро:

– Я же сказал, что дам троих надежных людей. Теперь они подчиняются вам, сэр Ричард! Кстати, это вот самый быстроногий мул во всем королевстве!

Кадфаэль с великим вздохом облегчения соскользнул из-за моей спины, и не успел я возразить, как он взобрался на мула и ухватил поводья.

Я скривился, сказал зло:

– Другие сопровождающие без надобности!

– Через три дня они вернутся ко мне, – ответил граф.

Я стиснул челюсти, со спины мула донесся горестный вздох Кадфаэля. Зайчик переступил с ноги на ногу, изогнул шею, смотрит на меня с недоумением. Я потрепал его по холке, от сильнейшей злости не сразу нашел нужные слова, а когда нашел, решил, что и они слишком слабые, чтобы послать Маркварда достаточно далеко, просто повернул коня в сторону ворот.

– Нет. Считайте, что мы ни о чем не говорили.

Он побагровел, но я уже пустил коня к воротам, за спиной послышалось горестное:

– Хорошо-хорошо!.. Но одного человека вы взять обязаны. Должен же я отправить с дочерью хоть кого-то, кого она знает?

Я повернулся, ответил сквозь зубы:

– Но только одного.

– Договорились! – быстро сказал он. – Ганель, Земан – останьтесь!

Из троицы вперед выдвинулся Клотар, самый рослый, самый широкий в плечах. Солнце заблистало на стальной кирасе, а по синему перу проскочили золотые искорки. Конь под ним почти не уступает моему Зайчику в росте, а сам Клотар выглядит опасным бойцом, особенно теперь, когда я ему несколько помял шлем, не снимая с его башки. Над правой бровью лиловеет кровоподтек, глаза опустил, а по его виду ясно, что спиной к нему лучше не поворачиваться. Не здесь, конечно, а там, где окажемся наедине. Или даже не наедине, брат Кадфаэль не в счет.

На этот раз он в полных доспехах, даже шлем рыцарский, с забралом, с плеч ниспадает широкий плащ. Конь крупный, злой, щерит зубы, посматривает по сторонам, кого бы куснуть или ударить копытами.

Кадфаэль наклонился вперед и что-то сказал в длинное оттопыренное ухо мула. Тот фыркнул и кивнул, Кадфаэль светло улыбнулся.

Я сказал резко:

– В путь!..

Марквард некоторое время шел со мной рядом, незаметно передал увесистый мешочек, очень увесистый, я посмотрел с подозрением, но пересчитывать не стал, мы же джентльмены, сунул в седельную суму, потом перепрячу. Марквард отстал, крикнул нам вдогонку:

– Пусть ваш путь будет легким!

Я пробурчал зло:

– Путь не бывает легким, бывает легкой ноша. Но сейчас не тот случай.

Выехали из города достаточно резво, я на Зайчике впереди, пес весело несется рядом, повозка тащится сзади… хотя это я так, от вредности, на самом деле четверка коней несет резво, только хвосты да гривы стелются по ветру. Клотар держится справа от повозки, чтобы первым оказаться у дверцы, телохранитель гребаный. Кучер, больше похожий на атамана разбойников, посвистывает на козлах, без нужды крутит над головой кнутом, но ни разу не опустил на блестящие конские спины, не за что оскорблять таких великолепных скакунов.

Брат Кадфаэль в арьергарде, глотает пыль со всем христианским смирением. Я старался понять, что я за овца в лаптях, дал себя уговорить, интеллигент вшивый, не могу отказать, а что дальше будет? Надо научиться говорить «нет», как бы ни уговаривали, иначе на такое подобьют, что вовек алименты платить буду незнамо кому.

О Грубере не слышно, но если он еще в городе, то мог заметить наш отъезд. Не мог же заехать в город, быстро купить все необходимое и сразу уехать?.. Впрочем, почему нет?

Клотар дважды отъезжал в сторонку, я дивился, даже не слезает, но он снимал с крюка арбалет, прикладывал к плечу. Любопытствуя, я приотстал, а когда поравнялся с повозкой, у ног кучера лежат подстреленные крупная птица размером с гуся и огромный молодой заяц.

Сам Клотар снова уносится вперед, слева от седла поблескивает отполированным прикладом небольшой арбалет с толстой дугой, очень дорогая и сложная штука. Мой лук в сравнении совсем архаика, все-таки арбалет – дитя науки и техники, передовое слово, а у меня дикарский лук, да еще с примесью непонятной магии.

Я оценивающе посматривал на его арбалет. В моем мире считают, что арбалет бьет мощнее лука, но слишком уж медлителен, однако четыре стрелы в минуту – это не так уж и плохо. Тем более что арбалет бьет железными короткими стрелами, именуемыми здесь болтами, что прошибают железные доспехи, как тонкий картон.

У Клотара с лица не сходит злобное выражение, что и понятно, такие не любят проигрывать, слишком долго походив в победителях и привыкнув быть победителями всегда. А если учитывать, как он умело пользуется арбалетом, то уж точно поворачиваться спиной не стоит.

Дорога тянулась по зеленой равнине, справа и слева глубокие выбоины, словно там прошли колонны танков, иногда в сторонке проплывает кучка деревьев. Иногда ничего необычного, иногда же я, хоть и не знаток деревьев, но мог поклясться, что таких не существует ни в лесах, ни в джунглях, ни в саванах.

– Разве что в лабораториях, – пробормотал я себе. – Моды, моды, модификации… генная инженерия на марше…

Сзади послышался топот, брат Кадфаэль догнал на своем муле, в самом деле скоростное животное, сказал торопливо:

– Там впереди, если чуть левее, нечестивый идол!

– Мы двигаемся к Югу, – напомнил я. – Чего ты ожидал?

– Здесь христианские земли, – возразил он твердо. Я посмотрел на него выразительно, на руки, где шрамы от штырей, Кадфаэль добавил торопливо: – В основном!..

– Я слыхивал, что сохранение мира требует усилий в сто раз больших, чем победа в самом лютом бою.

– С врагом никогда не будет мира, – заявил Кадфаэль твердо. – Никогда!

– Да-да, – согласился я, – Добро победит зло, поставит на колени и зверски убьет.

– Почему зверски?

– Ах да, церковь предпочитает без пролития крови… То-то у тебя вон дубина.

Он сказал, защищаясь:

– Это не моя! Мне ее вместе с мулом дали!

Я проследил за его взглядом, левее у дороги начал вырастать некий обелиск. Зайчик охотно повернул, ветер засвистел в ушах, и когда за спиной послышался дробный стук копыт мула, я уже несколько минут рассматривал странный памятник… если это памятник.

Пес, примчавшись со мной ноздря в ноздрю, пошел нарезать кругами вокруг, а я еще не успел даже рассмотреть саму скульптуру, как уже ахнул от восторга при виде пьедестала: стопка книг, очень умело высеченных то ли из розового мрамора, то ли из металла, но впечатление такое, что огромные толстые фолианты сложены аккуратно один на другой… ну, с той аккуратностью, какую могут проявить ученые, то есть кое-как, словом, в художественном беспорядке: чуточку вкривь, вкось, одни толще, другие тоньше, разного размера, от этого стопка книг выглядит удивительно живой.

И существо, забравшееся наверх, выглядит усталым библиотекарем, что не желает себе другого пьедестала, как родные книги. И чем стариннее эти книги, тем дороже, любимее, желаннее.

И тогда, когда всмотрелся в существо, по спине пробежал озноб, а нервы заледенели. Там сидит не человек, даже не млекопитающее. Скорее, нечто вроде спрута или осьминога.

– Это нужно уничтожить, – крикнул брат Кадфаэль яростно. – Это создание рук почитателей Сатаны!..

Я не мог оторвать взгляда от старинного обелиска.

– Знаешь, брат Кадфаэль… Самые непримиримые инквизиторы, что жгли всю империю майя, инков и ацтеков, начали собирать остатки их поверженной культуры. Понимаешь, мы – победители! А этот реликт уцелел от мира побежденных. Христианство – еще и милосердие, не слыхивал? Если повержен, уже не враг.

Вдали по дороге бодро катила повозка. Клотар и возница смотрели в нашу сторону, даже окошко приоткрылось, леди Женевьева Лира Рэд изволила полюбопытствовать, что мы делаем у языческого идола.

– Пойдем, – предложил я. – Не думаю, что я могу сокрушить то, что простояло века… и миллениумы.

Он посмотрел на меня с подозрением.

– Договаривайте, брат паладин. Дескать, если бы даже и могли…

– Такие вещи лучше оставлять недоговоренными, – сказал я мягко. – У нас хватит проблем.

Он некоторое время ехал рядом, теперь повозка маячит впереди, сказал вполголоса:

– Да, это верно. Я поговорил с кучером, он много чего рассказал… Человек словоохотливый. Словом, нам надо оберегать девицу не только чтобы ее не захватил Грубер, но и…

Он замялся, я спросил также шепотом:

– Что?

– Говорят, она по уши влюблена в этого Грубера.

– Что? – повторил я в полной растерянности.

– Так говорят, – ответил он торопливо и выпрямился, всматриваясь в повозку, что вроде бы ускорила движение. – Только поэтому старый граф и отправляет ее отсюда подальше.

Я тоже посмотрел вслед повозке.

– Тогда он прав. Обучить его дочь хорошим манерам в самом деле не мешает. И привить чуточку вкуса.

– Брат паладин, – проговорил он невесело, – боюсь, что придется приглядывать и за нею тоже.

– В смысле?

– Чтоб как-нибудь не сбежала на привале, если этот красавец барон окажется поблизости.

Я стиснул челюсти, огляделся по сторонам. Пока что по сторонам равнина с редкими островками леса, но встречаются и овраги, густо заросшие кустарником. Когда дорога проходит по самому краю, становится неуютно. Но дороги прокладывают осторожные купцы, так что овраги пока что в сторонке. Повозка идет резво, кони прекрасные. Теперь понятно и то, почему отец постарался дать нам самых быстрых коней.

– Боюсь, – сказал я, – в этом случае Грубер уже знает, куда мы везем его невесту.

Кадфаэль зябко повел плечами.

– Да уж… А здесь не в городе, к народу за помощью не обратишься.

– За помощью? – переспросил я. – Народ предпочитает оставаться в сторонке.

Он вздохнул.

– Беда в том, что это Грубер может в этих краях собрать народу немерено. Здесь его земли. Ну, не совсем его, но край здесь пустынный. А он в таких местах – король.

Глава 8

Клотар подстрелил еще одного оленя. Не понимаю, зачем нам столько, целую неделю надо сидеть на месте и жрать не переставая, но, оказывается, я забыл, что здесь зеленые еще не создали своих партий, а нормы отношения к природе несколько иные. Клотар моментально вырезал самую нежную филейную часть и бросил кучеру, остальное осталось позади на дороге на радость ястребам и мелким лесным зверькам.

Досадуя, я взял в руку молот, Зайчик идет ровной рысью, лес справа и слева, но деревья жалко… ага, вот!

Справа от дороги выплыла массивная скала, даже не скала, а причудливое образование, когда ветры, дожди и прочие непогоды подтачивают почему-то снизу, в результате чего от могучей каменной пирамиды остается столб с массивной шляпкой. Такое вот стоит тысячелетиями, удивляя проезжающих купцов, а потом будет удивлять туристов…

– Не будет, – сказал я вслух.

Молот вырвался из моей ладони, затрещал воздух. Донесся глухой удар, подобный подземному грому. Я видел, как в нашу сторону смотрит и Клотар, и даже леди из повозки, хорошо, пусть видят, кто здесь сильнейший.

Основание скалы треснуло, черные зигзаги исполосовали камень, затрещало сильнее, и вся многотонная шляпка, даже многосоттонная, начала опускаться, разваливаться. Земля задрожала от тяжелых ударов.

Я повесил молот на седельный крюк и поехал себе дальше, словно ничего не случилось. Пусть сравнят убойную мощь сраного арбалета и моего чудо-оружия. Зайчик постепенно набирал скорость, Кадфаэль что-то закричал позади, ветер свистит в ушах, я в мгновение ока догнал повозку, окошко тут же захлопнулось.

Я хмуро вспоминал Грубера, его внешность, манеру говорить и сидеть на коне, гордый разворот плеч, смуглое мужественное лицо. Такие всегда нравились и всегда будут нравиться женщинам. Женщины – дуры, ничего не видят, кроме внешности, хотя и любят поговорить о каких-то иных достоинствах мужчины, кроме того, которое в моем прошлом мире заменило все остальные достоинства.

Грубер, барон-разбойник, романтичный герой, который не страшится самого короля, а на своих землях вершит суд, не считаясь даже с церковью. Сильный, значит, мужчина. А женщины инстинктивно липнут к сильным, это глубинный зов природы, ведь только сильные могут обеспечить выживаемость рода…

Конечно, такой вспыльчивый красавец завладеет воображением любой дурочки. А эта Женевьева – дурочка, по ней видно. Раз красивая – то дура, это любой знает, а если очень красивая – то дурочка в степени.

Постепенно я привычно выдвинулся далеко вперед, наконец за спиной застучали копыта мула. Кадфаэль поехал рядом сумрачный, поглядывал на меня искоса, но в разговор не вступал.

– Если вас ударили по щеке, – проговорил я наконец, – надо подставить задницу, верно? Будет менее больно и более звонко.

– Не понимаю вас, сэр Ричард…

Чаще всего он зовет меня братом паладином, но когда вот так пытается выразить неодобрение, то я для него – сэр Ричард. Я оглянулся на повозку, на хорошей скорости идет по дороге, в то время мы стараемся держаться в сторонке, чтобы не заставлять благородную леди глотать пыль.

Кадфаэль перехватил мой взгляд.

– Заметили, что не торопится?

– Да, – пробормотал я, – теперь это понятно. Ждет, когда нас догонит Грубер с его командой. У него кони не такие резвые.

– Может быть, как-то принудить… Боже правый!

Повозка замедлила движение, кони свернули в сторону могучего развесистого дуба. Едва остановились, конюх соскочил и принялся их расседлывать.

Поворотив коня, я понесся во всю прыть. Дверь распахнулась, Женевьева спустилась по ступенькам сама, двигается грациозно, и, словно бы не замечая скачущего в ее сторону главного охраняющего, повернулась к небольшому ручейку, что вытекает из-под корней дуба.

Когда я резко осадил коня, она уже сидела, опустив босые ноги в воду. Длинное платье оказалось приподнято чуть выше лодыжки, что вообще-то неприлично, но сейчас она в роли дитяти природы, что гимназиев не кончало, в греческом зале не бывало, и вообще надо быть ближе к природе.

– Что случилось? – гаркнул я.

Она медленно подняла голову, вскинула длинные ресницы. Взгляд удивленный, но меня затошнило от притворства: любой вздрогнет, если над головой вот так рявкнуть, все видела и ко всему готовилась, все рассчитано, змея в синем платье.

– Что? – переспросила она нежным мелодичным голосом. – Ничего не случилось… Просто я устала и теперь изволю передохнуть. Здесь тень от жестокого солнца, моя нежная кожа не выносит солнечных лучей… здесь лесной ручей… Или это не лесной? Неважно…

Клотар высится в седле хмурый, неподвижный, а я сказал, не скрывая бешенства:

– Леди Женевьева, мы едва отъехали от города!.. Какой отдых, если кони даже не успели разогреться?

Она сказала холодно:

– Кони? Вы говорите о конях, сэр Ричард?

– Они хотя бы бежали по этой выжженной солнцем степи! – ответил я люто. – А вы нежились на подушках! Я видел, сколько вам их туда напихали. Ладно, я не стану препираться. Раз уж ваш дурак расседлал коней, пусть передохнут малость. Но отныне останавливаемся только по моему приказу!

Она поморщилась, отвернулась и произнесла очень холодно:

– Вас наняли, чтобы сопровождать меня. А как ехать и где ехать – определяю я. А также когда отдыхать.

– А вот хрен в задницу, – ответил я в бешенстве. Кадфаэль, что как раз подъехал, охнул, а Клотар вздрогнул, нахмурился, его рука потянулась к рукояти меча. – Здесь все определяю я!.. Если ваш холуй на облучке осмелится… Эй ты, идиот, слышишь?.. Остановишь без моего разрешения – убью на месте. Запомните все: в море капитан корабля – царь, Бог и верховный судья всем и всему. А сейчас мой приказ: обедаем и выступаем тут же… Отдыхать на ходу!

Леди Женевьева раскрыла хорошенький ротик, явно собираясь возразить, но в нашу сторону несется огромный черный пес, пугающе громадный, пасть распахнута, в красной, как жерло горящей печи, блистают острые зубы и длинные жуткие клыки, и она умолкла, подобрала ноги и съежилась. Даже Клотар, который уже вроде бы понял, что пес при мне, но и он, похоже, передумал слезать с коня.

Пес бросился мне на грудь, я заранее изготовился к толчку и сам сделал движение вперед, мы сшиблись, и я на ногах устоял, молодец. Пес пытался меня лизнуть, запрыгал вокруг, спрашивая, почему остановились.

– Привал, – объяснил я ему. – Есть тут, видите ли, слабые!.. Отдыхать им восхотелось.

Леди Женевьева смотрела на пса с великим отвращением.

– Если уж захотелось чего-то, что слушалось бы и не перечило, почему не завести собаку?

– Хорошая идея, – признал я. – Это лучше, чем заводить женщин.

Она поморщилась, я не дал ей назвать пса верблюдом с клыками, посмотрела на Клотара.

– Наш охранник изволит разрешить нам пообедать. Вы поняли?

Он поклонился.

– Да, госпожа.

Я чувствовал себя настолько разозленным, что даже перекусить сел в сторонке. Бобик счастливо глотал куски жареного мяса, крутобедрая дочка хозяина снабдила на неделю, но, думаю, вечером все сожрем, глаза стали маслеными, смотрит преданно, хвост колотит по бокам, как у среднеазиатского варана.

Клотар, леди Женевьева и конюх устроились у самой воды, жевали медленно, явно затягивая обед. Кадфаэль вообще не ел, а я закончил чашечкой крепкого кофе, ветерок от нас, первым насторожился Клотар, для него это просто неизвестный запах, а леди Женевьева прикрыла глаза и замерла, принюхиваясь.

Я поднялся, отряхнулся.

– Все, обед закончен. Если кто не опорожнил мочевой пузырь или кишечник, советую сделать это сейчас. Дальше поедем без остановок.

Леди Женевьева спросила ехидно:

– До самого Каталауна? Или куда вы там едете?

– Отсюда и до ночи, – ответил я голосом армейского офицера. – Выполнять!

Вообще-то я не думал, что они вот так сразу соберутся, просто старался выглядеть жестоким и непреклонным, но, видимо, в этом феодальем мире только так и нужно, к тому же я уже потренировался в своем Амальфи, словом, подчинились беспрекословно, леди без всякой помощи взобралась в повозку, разве что с треском захлопнула дверцу, протестуя против деспотизма, кучер дернул вожжи, и отряд тронулся на рысях, а потом, разогревшись, кони довольно долго шли галопом.

Во все стороны ровная степь с небольшими клочьями леса, иногда холмы, почти всегда заросшие деревьями и кустами, не видать сел и деревень, они, как и города, располагаются по рекам, вода нужна всем.

Я вздрогнул, выныривая из глубоких размышлений, далеко позади раздался крик. Я поспешно развернулся: повозка сильно отстала, тащится еле-еле, а из ближайшего леска выскакивают полуголые люди с оружием в руках. Один сразу же перехватил коней и повис у них на мордах, пригибая к земле, другие бросились к повозке. К счастью, все, кто протаптывал дорогу, опасались приближаться к зарослям слишком близко, и, когда разбойники себя обнаружили, Клотар с этой стороны повозки переместился на другую, встав между лесом и добычей, я видел часто взмахивающий меч.

Ветер заревел у меня в ушах, я в мгновение ока оказался рядом с Клотаром, наши мечи звенели, сталкиваясь с оружием противника. Наконец они повернулись и бросились в лес, бросив даже раненых. Клотар тут же догнал двоих хромающих и зарубил. Кони затаптывали несчастного, который сумел их остановить, кучер достал его кнутом по глазам так, что ослепленный разбойник взвыл и, ухватившись за лицо, оказался под копытами.

– Эй, – крикнул я в повозку, – вы там ол райт?

За дощатой стенкой послышался голос, особого страха я в нем не ощутил, а когда обогнул повозку, дверца распахнулась и показалась леди Женевьева, бледная и решительная, с кинжалом в руке, которым заколола не то Хозе, не то тореадора.

– А вас это беспокоит? – поинтересовалась она холодно.

Я ухмыльнулся.

– Я ведь пообещал доставить вас в пункт назначения.

– Но вы не уточнили, – сказала она язвительно, – в каком виде.

Я ухмыльнулся шире.

– Вы правы, я об этом даже не подумал. Это, кстати, наталкивает на разные варианты… подсказывает возможности…

Послышался топот копыт, примчался запыхавшийся брат Кадфаэль, мул выглядел совершенно невозмутимым.

– Не убивайте! – закричал Кадфаэль.

Я повернулся, Клотар соскочил с коня и осматривал распростертых разбойников. Которые показывали признаки жизни, тем деловито перехватывал глотку. За ним ходил озадаченный пес, присматривался, старался понять новый поворот: то нельзя людей убивать, то можно, то снова нельзя… а сейчас, оказывается, все-таки можно, но не всех, а вот по какому принципу?..

Кадфаэль слетел с мула, как легкий комарик, успел ухватиться за руку Клотара, когда тот занес нож над последним раненым.

– Не смейте! Он уже без оружия!.. Это большой грех!..

– Он напал на нас, – прорычал Клотар.

– Но сейчас уже не враг!

– Почему?

– Он безоружен!

Клотар зарычал, выдернул руку и хладнокровно вонзил кинжал в горло поверженного разбойника. Тот захрипел и раскинул руки. Пес вскинул голову, в горле рычание, посмотрел на меня. Я кивнул успокаивающе, мол, все в порядке. Клотар тоже поднял голову, наши взгляды встретились. Он смотрел вызывающе, явно нарываясь на стычку, еще разгоряченный схваткой.

Я посмотрел на него, как на пустое место, повернулся к леди Женевьеве.

– Я рад, что вы не пустили лужу от ужаса. Значит, ничто не мешает нам ехать дальше.

Кучер прислушивался, тут же дернул за вожжи, повозка тронулась. Я догнал, сказал ему, что молодец, прямо Индиана с кнутом, свистнул пса и снова поехал впереди. Перед глазами мелькали, как на экране, сцены схватки. Марквард не соврал, Клотар в самом деле очень умелый боец. Ни одного лишнего или неверного движения: рубил, колол, повергал, к себе не давал даже приблизиться. Если б я не подоспел, он сам бы, возможно, справился со всей шайкой. Если не ошибаюсь, разбойников было не меньше десятка. Из них только двое улизнули, двух Клотар зарубил убегающими, а если учесть, что я поверг только двух, на его долю приходятся все остальные, это четверо, причем в самое трудное время, когда приходилось драться одному.

Дважды видели троих гоблинов, но они ускользнули, едва рассмотрели наш караван подслеповатыми глазками, один раз над нами пролетел небольшой дракон, даже снизился, чтобы рассмотреть получше или примериться, но мы взялись за оружие, он увидел блеск обнаженных клинков и поспешно взмыл к облакам.

Дорога постепенно опускалась, дальше в низине желтеют соломенными крышами аккуратные домики. Как я обратил внимание, все на невысоких, в половину моего роста, столбах, словно здесь частые наводнения, все тщательно побелены, ставни из толстых массивных досок, дома просторные, крылечки широкие.

Мы идем достаточно споро, я присматривался к домикам, по ним многое можно понять и о хозяевах, заметил, что в селе, судя по их виду, нет хаты старше, чем в два-три года, за домами огромные сады, ветки гнутся под тяжестью яблок и груш, старики заботливо подпирают рогульками, чтобы не переломились, или же подвязывают веревочками. Огромные круглые чаши оранжевых подсолнухов, лепестки – как язычки огня, множество цветущих маков…

Смутно чувствовал, что в этом какой-то сбой, маки вроде бы цветут ранней весной, как и подсолнухи, но если предки баловались с генами растений, то здесь может быть всякое…

Впереди необозримые просторы болот, темная вода зловеще чернеет между кочками серой осклизлой травы. Вот почему дома в деревне на столбиках, весной здесь все заливает на мили. Болото распахнулось вправо и влево, лишь в миле впереди упирается в темный берег. Там уже опускается огромное багровое солнце, зловещий красный огонь побежал по земле, вспыхнули верхушки болотных трав, а темная вода стала еще темнее.

Но по ту сторону гигантского болота виднеются стены крупного города. Подъехал Кадфаэль, сказал тусклым голосом:

– Странный город… Я там не был, но о нем много говорят.

– Что именно?

– Поговаривают, что там правят простолюдины. Его так и называют плебейским городом. А зря ты, брат паладин, позволил этому зверю убить пленного…

– Пленных захватывают в сражениях, – напомнил я, – не при грабежах. Воры, террористы и демократы – вне закона. Их сразу на виселицу по определению. Думаю, брат Кадфаэль, в этом городе нам понравится.

Он посмотрел на меня с удивлением, а я пустил вперед пса, указав на город, а сам направил Зайчика по его следам. За спиной слышал голос Клотара, он велел кучеру не отставать от впередиидущих.

Плебейский город, так ужасающий брата Кадфаэля, странен и необычен только потому, что он пока что, видимо, первый. Жаль, я не знаю номера выигрышных билетов или какая лошадь придет первой на скачках, но помню хорошо, что именно плебейские города и похоронят в будущем родовитую знать. Вообще города не возникли бы без предпринимателей и ремесленников. Это они создали и финансировали цеховые союзы, что противостояли знатным родам, и скрепленное клятвой братство ремесленников оказывалось не менее крепким и стойким, чем рыцарские ордена. И сейчас мы приближаемся к стенам города, который мне должен быть ближе…

В раскрытые ворота въезжали последние торговцы с телегами, нас остановили, потребовали предъявить разрешение на въезд, плату за топтание земли, а также за ввоз четырех коней с повозкой, что наносит ущерб новенькой мостовой славного города. Я скрипел зубами, привык к рыцарской щедрости, но плебейство в том и проявляется, что при всякой демократии возрастает количество взяточников, хапуг, мздоимцев и обыкновенных вымогателей.

Я заплатил, нас еще некоторое время мурыжили, стараясь придраться и заставить заплатить еще за что-нибудь, здесь ведь товарно-денежные отношения, законы рынка, но я наконец взялся за рукоять меча и попер конем на слишком уж обнаглевшего чиновника, пусть и средневекового.

Он заорал, начал звать стражу, но второй поморщился, сделал нам знак проезжать, а ему начал что-то объяснять строго и внушительно. Как мог я догадаться, нечто вроде недопустимости чрезмерного выжимания, а то ведь и до военного переворота недолго. У кого меч в ножнах, тот может и вытащить…

Я сразу же направил наш караван к постоялому двору, велел расседлать коней, леди Женевьеву отвести в верхние покои и присматривать за нею, а сам спустился в нижний зал. За столами не столько едят, сколько пьют, я выбрал местечко у стены, чтобы видеть весь зал, заказал обильный ужин на пятерых.

– Это единственный постоялый двор? – спросил у хозяина.

– Через две улицы еще один, – ответил он с чувством полнейшего превосходства. – Но там намного беднее, проще, вовсе нет отделения для благородных.

– Отлично, – сказал я. – Распорядись, чтобы на стол подали, что я заказал. Мое пусть не жрут, скоро вернусь.

Хозяин этого двора гордился им не зря: через две улицы я увидел приземистый одноэтажный дом, кладка старая, крыша покосилась, двор невелик, кроме кузницы, там ничего и нет, даже хлеб пекут неизвестно где. У коновязи двое коней смирно жуют овес, простые коняги, а когда я поднялся на крыльцо и вошел в помещение, откуда пахнуло кислыми щами.

Пес поглядывал на меня неодобрительно, на предыдущем дворе пахло вкуснее. Выбрав стол в таком же стратегически важном месте, чтобы видеть всех и вся, я заказал себе вина, к которому не притронулся, осматривал зал, а пес залез под стол и стал ждать падающих кусков

мяса, а еще лучше – мозговых косточек. За соседним столом гудят, как шмели, чем-то встревоженные скотоводы, крепкие плечистые ребята, но абсолютно непригодные к приключениям, дальше трое странных типов, одеты неплохо, под плащами угадываются ножи и короткие мечи.

И лишь в противоположном от меня углу сидит угрюмый плечистый солдат, может быть, и не солдат, но мне показался именно бывалым солдатом: жилистый, с коротко обрезанными волосами, грубое обветренное лицо, широкая грудь с выпуклыми мышцами и длинные руки. Он невесело смотрел в кружку с элем, взгляд мрачный, немного тоскующий. Пышные усы печально повисли, я подозвал пробегающего парнишку, дал монетку и велел отнести на стол к усачу кувшин вина.

– Какого, ваша милость?.. Есть фальское, ринское…

Я покачал головой.

– Простого. Не стоит баловать рядового.

Я попробовал отхлебнуть вина, едва не выплюнул обратно, походит на испорченный уксус. Когда усачу поставили вино, он что-то спросил, парнишка указал в мою сторону. Усач бросил быстрый взгляд, рука его сграбастала кувшин и кружку.

Усач приблизился, во взгляде подозрение. Я молча указал на свободное место напротив. Он сел, взгляд мгновенно охватил и мой кувшин с дорогим вином, и по-царски зажаренного гуся.

– Чем обязан? – спросил он хрипловатым голосом, глаза у него оказались светлые, холодноватые, но лицо мне понравилось: суровое и добротное, если можно так сказать, умело слепленное, не пожалели материала на кости, на скулы, на мощные надбровные дуги. Квадратная челюсть, глубокие складки, но мелких морщин нет, да и откуда им взяться на такой выдубленной коже.

– Мне нужен крепкий солдат, – объяснил я. – Так уж получилось, что мне навязали в спутницы одну молодую особу женского пола. Я пообещал доставить ее в целости в земли герцога Нурменга.

Он буркнул:

– Это близко.

– Да, – согласился я, – однако и девица не горит желанием туда попасть, и нашлись люди, что хотели бы девицу умыкнуть…

Он хмыкнул:

– И что же?

– Мне нужен человек, – объяснил я, – кто сменял бы меня на страже, когда заночуем у костра. Со мной едет еще один, но я ему не доверяю. А третий так вовсе не человек, а монах.

Он подумал, сказал медленно:

– Если будем только вдвоем, то это десять серебряных монет…

Он замолчал, в глазах сомнение, готов торговаться, сбросить, но я лишь кивнул.

– Хорошо. Ты прав, двое – маловато. Можешь подыскать еще одного по своему выбору. За ту же цену.

Он впервые улыбнулся.

– Сторгую за пять. Нагрузка все-таки поменьше… Меня зовут Альдер.

Я выложил на стол пятнадцать серебряных монет.

– Конь у тебя есть?

– Нет, но оружие в порядке.

– Что?

– Меч, топор, два ножа, еще кираса и железная шапка.

Я бросил на стол золотой.

– Купи коня. Не скупись, подбери хорошего.

Он кивнул с самым серьезным видом.

– Не сомневайтесь. Когда от коня порой зависит жизнь… А что, девицу хотят умыкнуть очень серьезно?

– Очень, – согласился я. – Идиоты. Я бы ее сам отдал, да еще приплатил бы, но… пообещал довезти, куда денешься.

Он задумался, я уж решил, что хочет отказаться или повысить цену, но он лишь поинтересовался:

– Тогда и для второго коня?

– Да. Но предупреди, что дело вообще-то опасное.

Он смотрел на меня прищурившись.

– Но вы-то взялись?

Я поморщился, развел руками.

– Дело в том, что я – рыцарь…

Он понимающе покивал, мол, это то же самое, что написать на груди «Дурак» крупными буквами и расхаживать по улицам, а то и добавить: «Люди! Плюйте на меня».

– Рыцарь – это хорошо… наверное. Но как случилось, что вы… по-простому? Или доспехи пришлось отдать? Слыхал я, что у вас, благородных, такой обычай: отдавать доспехи и коня победителю.

Я ухмыльнулся.

– Просто не хочу драться с каждым болваном, возомнившим, что его дама сердца – самая дамистая. Доспехи у меня в мешке, а меч стараюсь не вынимать из ножен… лезвие уж очень заметное.

Он снова слушал внимательно, смотрел, оценивал, а улыбнулся уже почти дружелюбно.

– Если так, то вы не дурак, ваша милость. Хоть и рыцарь. Драться за дело – достойно, а по пустякам, как рыцари, – последняя дурь. Когда война – бьемся, так надо, а когда ее нет… разве ж за баб стоит?

Я объяснил, куда утром явиться, он допил и ушел, сразу повеселевший, с прямой спиной, настоящий ветеран, что хоть и спустил с себя все, но оружие при нем, что выручило снова. Уже не в бою.

– Вылезай, – велел я Бобику. – Здесь тебе ничего не обломится.

Он вылез и посмотрел на меня с таким укором, что мне, как Чехову, стало ужасно стыдно.

Глава 9

Клотар сидел за столом, удобно расположившись спиной к стене, а лицом ко входу, характерная посадка для мужчин, столешница заставлена широкими тарелками, глубокими мисками, там же высится кувшин и три медных кубка. Брат Кадфаэль скромно сидит на другой стороне, а моя тарелка с ювелирной точностью стоит на вершине невидимого треугольника с абсолютно равными сторонами.

Они молча смотрели, как пес влез под стол, завозился там, устраиваясь, печально вздохнул и лег, громыхнув костями.

– А где извозчик? – спросил я. – Кучер? Ну, в смысле, водитель коней?

– Понес леди Женевьеве блюдо в номер, – объяснил брат Кадфаэль. – Он очень вежливый, хоть с виду не очень…

– Просто холуй, – буркнул Клотар.

– Он очень добрый…

Я отмахнулся.

– Понятно, понятно. Люди-дикари: на лицо ужасные, добрые внутри…

Я взялся резать мясо, стараясь не слишком явно присматриваться к Клотару, с кем до этого мы оба держались как на противоположных концах невидимой веревки и оба мечтали ее удлинить еще больше.

В просторном зале, где достаточно крепких мужчин, он выглядит, однако, как матерый волчище среди дворовых псов. Рослый, все в том же синем кафтане поверх стальной кирасы, коротко срезанные волосы обнажают толстую, как ствол дерева, шею, лицо будто высечено из серого камня, глаза стали еще ближе один к другому, зато широкий рот теперь шире, что я считал вообще невообразимым. Сейчас он откусывает такие ломти мяса, что я разделил бы на два десятка ломтиков, если бы в моих руках были нож и вилка. А так, конечно, я отстану от него не очень уж…

Я проглотил первый кус мяса, пересилил себя и сказал Клотару:

– У тебя нет причин меня обожать. Я тоже от тебя не в восторге… хотя, конечно, расправился ты с разбойниками просто великолепно!.. Так что давай не будем выказывать друг другу чрезмерной любви, но и не будем ничего такого, что помешает доставить леди Женевьеву… по адресу.

Он смотрел набычившись, с подозрением в близко посаженных оловянных глазах. Брат Кадфаэль сказал поспешно:

– Да какие могут быть… Сэр Ричард, о чем вы говорите? Мы же все христиане!

– Еще какие, – подтвердил я.

Клотар проговорил неприятным голосом:

– Мы должны довезти леди Женевьеву…

Кадфаэль не уловил недосказанности, но я учуял, у нас с Клотаром есть нерешенное дельце, кивнул и ответил, глядя ему в глаза:

– А когда довезем, тогда – да.

– Хорошо, – ответил он грубо. – Отложим.

Я жестом подозвал паренька с подносом.

– Еще такого же барашка… В чем жарили?

– В оливковом масле, – ответил он с почтением к таким шустрым едокам, не заметил нашего ненасытного крокодила под столом. Уже брюхо будет волочиться по земле, а все равно будет жрать, морда противная. – А что к барашку?

– Мне ничего, – ответил я, – но у моих… гм… коллег есть свои запросы.

– Вина, – прорычал Клотар. – Только получше, чем эта бурда.

Мальчишка повернулся к Кадфаэлю. Тот проговорил смиренно:

– Я уже сыт. Но, чтобы быть со всеми, я не откажусь от постной пищи.

– Есть прекрасные белые грибы в сметане, – сообщил мальчишка.

– Грибы и мне, – крикнул я вдогонку.

Мясо запивали вином из одного кувшина, стараясь не протянуть к нему рук одновременно, чтобы не соприкоснуться пальцами. Кадфаэль ерзает, на лице виноватость, не понимает напряга, ведь мы же христиане, должны взаимно прощать друг друга, даже щеки подставлять.

Принесли барашка и, к моему удивлению, заодно по своей инициативе подали прямо на сковороде еще шипящую и стреляющую капельками масла яичницу из дюжины яиц, горячий хлеб из муки тонкого помола и свежий сыр, а также поставили масленку, заполненную доверху свежайшим маслом.

– Ого, – сказал я. – Похоже, нас здесь уважают.

– Заметили, – буркнул Клотар. – Не люблю.

Я покосился на его яркий синий камзол, смолчал, хотя на языке сразу кое-что завертелось, готовое спрыгнуть. Другое дело – брат Кадфаэль, этот в самом деле не любит, когда замечают, потому и весь из себя скромнейшая мышка.

Дверь распахнулась, в зал вошли, тяжело ступая, пятеро воинов в побитых доспехах. Во главе отряда я отметил коренастого и поджарого человека с суровым коричневым лицом. Из-под тусклого шлема выбиваются темные с сединой волосы, такие же белые нити блестят и в короткой бороде. Властный взгляд, разворот плеч и осанка выдают в нем командира. Кожаный панцирь в металлических пластинках, на широком поясе короткий меч и кинжал с длинным узким лезвием.

Бард оборвал песню несколько обидчиво: взоры всех обратились к пятерым. Они тяжело опустились за стол слева от нас, сразу потребовали еду и вина. Кто-то поинтересовался, что у них с доспехами, старший бросил коротко, что встретили гяурлега. И тот не ушел с дороги, как обычно делал, если верить легендам.

Разговоры прервались, теперь уже и бард начал протискиваться поближе. Я не знал, что это за гяурлег, но видел, как посерьезнел Клотар, как побледнел и часто-часто закрестился Кадфаэль.

Справа от меня кто-то сказал:

– Говорят, только Блуждающий может остановить гяурлегов.

– Но Блуждающий, – ответил другой голос, – ушел и больше не вернется…

– Это он сам так сказал?

Кадфаэль заметил, что я прислушиваюсь, сказал строго:

– Суеверия темных людей!.. Ничто не спасет мир, только любовь и милость Господа нашего. А все эти древние колдуны и маги – это темная грубая сила, что служит Сатане.

– А что за гяурлеги? – спросил я.

Клотар посмотрел на Кадфаэля с презрением.

– Зверь, которого уничтожить никто не сумел. Как раз про него известно точно, что он был создан великим магом Синих Гномов, тот жил между Третьим и Четвертым циклом. А вот почему создал, здесь мнения расходятся. Не только у всякой швали подзаборной, но и у тех, кому думать велено сеньором, у каждого свое объяснение…

Кадфаэль тут же заспорил, Клотар грубо, но довольно умело парировал. Я слушал, поглядывал на потрясенных людей за соседним столом, доспехи жестоко измяты, у некоторых в щели проступают красные капли. Их пятеро, но неизвестно, сколько было перед стычкой с этим неведомым гяурлегом.

Очень хотелось выругаться. Одно дело, когда с генами экспериментировали ученые, да и то получалось нередко хрен знает что, недаром же в ряде стран такое вовсе запрещено, а

другое, когда неграмотный маг, пользуясь обломками старых знаний, тоже пытается создать… в меру своего разумения. Вот и насоздавали.

Судя по обрывкам сведений, все эти чудовища были созданы в древние эпохи, когда еще что-то работающее да оставалось от старого мира. Однако поднимающейся из руин варварской цивилизации было непонятно само значение науки, а шаманы, отважившиеся войти в последние уцелевшие лаборатории… или клады с оружием, обрели могущество, размеры которого и сами не сознавали.

Я не знаю до сих пор, кто такие джинны, элементали и прочие бессмертные духи огня и воздуха: созданные ли существа или же сами шаманы, ухитрившиеся чаянно или нечаянно перейти на другой уровень существования.

Кадфаэль бросил на меня быстрый взгляд.

– Наверное, нужно у этих людей узнать…

Он замялся, Клотар буркнул:

– Я сам спрошу. Нам все равно выезжать из города. Надо знать, через какие ворота.

– А что за Блуждающий? – спросил я.

Оказалось, что и Клотар, и Кадфаэль о нем слышали немало. Из их рассказов я понял, что Блуждающий… в некоторых легендах упорно именуется Гуляющим, хотя смысл, понятно, иной, в древности овладел неким заклятием… был проклят, как упрямо утверждали другие, таких большинство, но и те и другие сходятся в том, что он получил вечную жизнь. Он набирался мудрости, знаний, стал богатым человеком, даже самым богатым на свете, но это наскучило, потом стал королем, тоже наскучило через пару столетий, а то и раньше, побывал на всех континентах, служил и Добру и Злу, теперь вообще никому, только бродит по свету, у него осталось только слабое любопытство… да и то, как подозревают мудрецы, он его поддерживает сам, ведь если остановиться на месте, то вообще…

Ночевали без помех, все прекрасно, леди Женевьева управилась со своим платьем и без служанки, так что рано утром мы наскоро позавтракали и бодро готовили коней. Треть пути за спиной, осталось всего два дня, а там я поеду один или с братом Кадфаэлем, это еще дней десять, и – рыцарский турнир!

Пес все порывался побегать по двору, но я заметил, как народ пугается, велел сидеть на месте. Я уважаю права и свободы граждан, которые еще не знают, что они граждане, а король их страны – тоже гражданин.

Брат Кадфаэль упаковывал в мешки снедь на дорогу, леди Женевьева вышла последней и с великой неохотой взобралась в повозку.

– Вы свой молот не забыли? – спросила она сухо.

Я удивился.

– Почему такая забота о моем молоте?

– Я видела, что он может, – сказала она и тут же добавила с ядовитой мстительностью: – Вы без него ничего не стоите, верно?

Я не успел ответить, в распахнутые ворота въехали на рослых конях двое мужчин в одинаковых стальных кирасах. Оба в простых, но очень функциональных шлемах, под кирасами кольчуги, а на поясах по мечу и боевому топору, еще у каждого длинный нож с узким трехгранным лезвием, за спиной круглые щиты. Один, который с пышными усами, сейчас лихо закрученными вверх, слегка поклонился, второй молча отдал честь.

– Прекрасно, – сказал я. – Прекрасно. Хорошие кони!.. Господа, позвольте представить вам доблестного Альдера и…

– Ревеля, – подсказал Альдер. – Я с ним прошел три войны, а также всю гергельскую кампанию…

– Гергельскую, – повторил я с умным видом, – ну да, если гергельскую… Добро пожаловать, Ревель. Как тебе уже наверняка сказал Альдер, нам предстоит вроде бы недлинный рейд, но есть некоторые сложности.

Ревель, во многом похожий на Альдера, такой же по возрасту, стати и даже выражением лица, ах да – вместе же гергельскую, молча кивнул. Глаза его серьезные, как и лицо, а губы плотно сжаты.

Клотар смотрел неверяще. Побагровел, спросил:

– Это что же… они едут с нами?

– Да, – ответил я. – Я их нанял.

Он сказал быстро:

– Но мы бы и сами довезли…

Я спросил холодно:

– Снова оспариваешь мои решения?

Альдер сразу все понял, для него я и задал очевидный вопрос, и употребил это «снова», чтобы сразу стало понятно. Альдер нацелился на спорщика хищными глазами матерого зверя. Ревель тоже окинул Клотара оценивающим взглядом, понятным каждому мужчине. Клотар открыл рот, помедлил и закрыл. Опасный человек, знает, когда отступить, это не рыцари, те в любом случае будут переть напролом, если сочтут, что задета их честь.

Я сказал громко:

– Все, выступаем. Нам еще ехать и ехать. Чем скорее доберемся, тем быстрее каждый получит свое!

Я не старался добиться театрального эффекта, но все почему-то насторожились, подобрались, словно каждый заподозрил второй смысл в простой вообще-то фразе.

Занавеска в повозке колыхнулась, но я сказал громко:

– Думаю, леди Женевьеве представлять новых членов команды необязательно! Ей достаточно смотреться в зеркальце.

Альдер взглянул на меня с некоторым удивлением, но на выдубленном ветрами лице ничего не отразилось, Ревель тоже в седле спокойный, уже оценил обстановку, прикинул, как, с какой стороны от повозки будет в поле, на болоте и на каком расстоянии нужно держаться в лесу.

Во дворе еще несколько человек запрягали коней, все с тревогой говорили о гяурлеге. Его видели у северных ворот, через которые мы въехали, как будто он шел по нашему следу, но догнать не успел. Я мысленно возблагодарил себя, такого умного и замечательного, что не давал останавливаться, отдыхать, гнал и гнал, и вот вознаграждение: шкуры целы. А те рыцари и воины, что шли к городу чуть позже, приняли вынужденный бой.

По их словам, гяурлег мог бы забрать их всех, но он не волк, что режет всю стаю: ухватил двоих, остальных просто разметал. Одного сожрал на месте, труп второго унес в пасти. Похоже, где-то нора, там может быть его самка с детенышами. Успеть бы собрать храбрецов, в это время самка ослабевшая, от детенышей не отойдет, можно бы разом избавиться… А на гяурлега какую-нибудь ловушку, ямку ловчую или что-нибудь хитрое, откуда никакой неуязвимый не выберется.

Когда мы покидали город через южные врата, монахи остановили нас и начали уговаривать отыскать гяурлега. Я заколебался, ведь я профессионально самое то, чтобы бороться со всякими там бродячими драконами, троллями и нечистью, однако пересилил себя и ответил, прямо и честно глядя в суровые лица:

– Увы… понимаю, стыдно отказываться, про нас могут подумать всякое… Но мы не мальчишки, чтобы нас брали на «слабо». Я выполняю задание куда более тяжелое, чем ловить драконов.

– Какое? – поинтересовался один из монахов.

– Везу женщину.

Монахи посмотрели на меня в недоумении, я оставался очень серьезным, и они посерьезнели тоже. Возможно, у меня непростая женщина. Или везу в такое место, откуда не возвращаются.

– Тогда с Богом, сын мой.

– Его помощь будет очень кстати, – признался я.

Следом за нами с опаской покинули город еще пара всадников налегке и тяжело груженный караван. Всадники, убедившись, что гяурлег не подстерегает, пустились галопом, караванщики потянулись медленно, степенно, а мы пошли экономной быстрой рысью.

Альдер, который лучше всех знает эти земли, поехал со мной рядом, подробно рассказывал о местах, где едем, о тех, которые справа и слева, а также о тех, через которые будем ехать. Везде он бывал, везде воевал, я уже усомнился было, так ли это, но убедился по крайней мере в превосходной памяти Альдера: дорогу помнит до последнего камешка.

Земля, как я понял, остается в основном еще в руках, вернее, в лапах того мира, который люди истребляют, несмотря на постоянные войны с себе подобными. Не только отдельные замки, но даже целые королевства бывают окружены со всех сторон смертоносными болотами, оживающими лесами, зыбучими песками, и везде масса самых разных смертоносных тварей, из которых известны хорошо если половина. Но даже в таких вот королевствах, что уже имеют четкие границы, нет-нет да и попадаются пятна Черного Тумана, Синей Травы или Ведьмины Кольца, а в уже освоенном лесу, где крестьяне рубят лес, а бабы собирают хворост и ягоды, вдруг появляется какая-нибудь нечисть…

Клотар едет вблизи повозки, но с каждым часом все больше вырывается вперед, в руках дважды побывал арбалет. Я ощутил себя уязвленным, достал лук и начал высматривать дичь. Перво-наперво присмотрелся к гусям, чего это разлетались, обнаглели, не скоро вас научат летать под облаками, а пока что прекрасно знают убойную дальность стрел…

Щелкнула тетива, я напряженно провожал стрелу взглядом. Когда уже думал, что переоценил крепость своих мышц и точность лука, стрела наконец достигла заднего гуся, почти на излете, клюнула его в шею.

Я заметил, что Клотар посматривает на меня, но старается не показывать вида. Альдер радостно закричал, когда гусь пошел вниз, конь под ним сорвался в галоп. Гусь падал, растопырив крылья, пытался то планировать, то снова яростно молотил по воздуху крыльями, так что Альдер успел подхватить его на лету.

– Прекрасный выстрел, ваша милость, – крикнул он, сияя, всегда приятнее служить умелому рыцарю, чем просто богатому недоумку. – Как повезло!

– Щас увидишь, – пообещал я, – как мне везет…

Но гусей больше не попадалось, я тщетно обшаривал взглядом небо, а когда наконец показалась большая стая, то летела слишком высоко, даже стрелы из лука Арианта с их повышенной дальностью, увы, имеют пределы.

Зато я выстрелил в выскочившего из-под ног Альдера зайца. Стрела догнала зайца в верхней дуге прыжка, пронзила, и на землю упал уже бьющийся в агонии серый комок. Альдер снова подхватил, осмотрел, выдернул стрелу и подал мне.

В глазах глубокое уважение, еще один такой выстрел, и поверит, что это не случайность, что я в самом деле суперстрелок. Придется, чтобы отвести подозрение от самого лука, пару раз промахнуться.

– Вы были не только рыцарем, ваша милость, – сказал он так, что я услышал и закамуфлированный вопрос.

– Я рыцарем стал на поле боя, – ответил я кратко.

Он смолчал, я объяснил сразу все. А я спрятал лук, стрелу сунул в колчан, не стоит рассказывать, что там всегда ровно двадцать стрел, сколько бы раз я ни выстрелил.

Пес посмотрел на меня с обидой. Только-только, как он понял, началась охота, это же самое интересное, а я уже устал? Ну тогда он сам будет ловить зайцев…

Альдер, стараясь быть как можно более полезным за свои десять серебряных монет, принялся рассказывать, что за этими землями королевства Варт Генца лежит королевство Гиксия, однако они не соприкасаются: между ними обширная зеленая долина, которую ни король Фальстронг, ни король Искандиар не намерены присоединять к своим владениям. И все потому, что там почему-то заговоренные земли.

Однако земли этого обширного континента – лакомый кусок не только для искателей приключений, авантюристов и кладоискателей, но даже обыкновенные крестьяне, которые похрабрее, в минуты отчаянной храбрости собирают весь скарб в повозку, запрягают кто быка, кто коня и отправляются в эти свободные земли.

Кому повезет, тот сам становится себе господином на плодородных землях, налоги не платит, никому не кланяется, быстро обзаводится потомством, и вот уже, глядишь, свое село, а там и городок, от которого рукой подать до собственного королевства. Сперва маленького, но так как нет никаких войн с соседями за отсутствием оных, то такое королевство растет стремительно… пока не упирается либо в зачарованные области, либо нарушается управление и начинается смута и борьба за престол.

Можно бы, конечно, объехать обширную область между графствами фона Кастелинга и владениями барона де Голли, но, во-первых, это потерять не меньше трех дней, а во-вторых, находились же смельчаки или отчаянные головы, что пересекали это урочище Плачущего Младенца и оставались живы. Правда, Альдер называл таких не смельчаками, а везунчиками, я помалкивал, не решаясь спорить с бесспорным.

Глава 10

Леди Женевьева к дополнительной охране отнеслась с полнейшим равнодушием, Альдер напрасно выпячивал грудь и подкручивал усы, мол, с ним волос с нее или на нее не упадет, она смерила его холодным взглядом, зевнула и задернула шторку на окошке. Кучер вообще не повел глазом, смотрит только вперед, изредка подергивая за вожжи, разговаривает с лошадьми, эти в его полной власти, здесь он крут и беспощаден, настоящий феодал, какими их представляют простолюдины.

Альдер присматривался к псу, а когда мы несколько оторвались от других, сказал вполголоса:

– Кого-то мне этот милый песик напоминает…

– Все собаки одинаковы, – заметил я.

– Это кошки одинаковы, – поправил он. – А собак можно различить хотя б по росту. Это ж не пес, а настоящий кабан!..

– Крупный, – согласился я и посмотрел на него с ожиданием.

Он ухмыльнулся:

– Ну, раз он вам служит, а нас не рвет на части, то это хороший пес.

– Очень, – сказал я, – лапочка. Такой послушный!

Его улыбка стали шире:

– Да уж… Я не стану говорить, на кого он похож…

– Не стоит обижать честного пса, – согласился я, – нехорошими сравнениями.

Он оглянулся:

– А ваш монашек покропил святой водой?

– Когда монашек его встретил, – заметил я, – он был не в том состоянии, чтобы что-то одобрить или забанить. Когда пришел в себя, он принял пса, как и траву, на которой лежал.

Он кивнул:

– Мы все такие. Если вашего песика увидят одного в лесу или в поле, сразу невесть что подумают! А когда вот так с нами, то собака и есть собака. Только очень крупная.

Не дурак, мелькнуло у меня. Такие вещи понимает, которые относятся к общей психологии толпы, если есть такая дисциплина.

Он все поглядывал и на моего коня, однако на лбу не осталось и следа от свалившегося рога, а так конь как конь, только очень крупный, а когда идет рысью или галопом, он становится просто прекрасен, как клипер под всеми парусами или танцующая женщина.

Мы остановились на крутом изгибе, дорога почему-то сворачивает, делает гигантскую петлю, а затем снова выходит на прямую и пропадает за горизонтом.

– А что? – спросил я. – Заминировано?

– Сэр…

– Нагажено? – поправился я. – Кони в дерьме копыта испачкают?

Альдер внимательно смотрел на мирную долину с роскошной зеленой травой.

– Не знаю, – признался он. – Помню только, что испокон веков так ездят.

– Может быть, – предположил я, – когда-то там было нечто очень опасное, тогда объезжали поневоле, но сейчас зачем?

Он подумал, кивнул, перевел тот же очень внимательный, даже прощупывающий взгляд на меня.

– Все может быть, ваша милость. Так что же… едем прямо?

Я подумал, прикинул взглядом длину исполинской петли.

– Нет, поедем согласно дороге. Петля не так уж и велика. Когда-нибудь в другой раз, когда не буду ничем связан, когда буду готов получше…

Он ухмыльнулся:

– Ваша милость, теперь я вижу отважного и опытного воина, а не задиристого мальца. Увы, многие рыцари мальцами остаются до глубокой старости. Я рад, что мы с Ревелем сейчас с вами. За него не беспокойтесь, он сейчас с другой стороны повозки. Следит и за девушкой, что внутри, и за ее телохранителем. Она очень красивая и… беззащитная.

Я изумился.

– Беззащитная? Эта змеюка?

– Некоторые цветы, чтобы их не сожрали сразу, научились отращивать шипы… Как их, забыл…

– Розы, – подсказал я.

– Да, розы. Если бы не шипы, их бы козы давно сожрали. А так розу сорвет тот, кого не страшат ее уколы.

За спиной послышалось конское фырканье, стук колес, подъехала повозка. Клотар и Ревель держатся по обе стороны, рослые и с одинаково каменными лицами. Кучер натянул вожжи, колыхнулась занавеска, леди Женевьева высунула смуглое личико. Жмурясь от яркого солнца, спросила надменно:

– Чего стоим?

– Это наше дело, – отрубил я. – А вы езжайте дальше. Вон дорога!

Альдер взглянул на меня несколько странно, мне даже почудился в его взгляде легкий укор. Пес запрыгал вокруг повозки, стараясь лизнуть узницу, утешить, я строго велел ему не приставать, леди Женевьева с брезгливостью поглядела ему вслед.

– Почему он такой огромный?

– Наверное, потому, – ответил я, – что это собака, а не кошка, если вы еще не рассмотрели.

– У меня дома в спальне шесть собачек, – заявила она оскорбленно. – Так что я в собаках разбираюсь! Все шестеро спят на одной подушке.

Не слушая меня, задернула занавеску, кучер взял в руки вожжи, коляска понеслась, подпрыгивая на ухабах. Клотар и Ревель удалились так же синхронно, только брат Кадфаэль на крупноголовом муле приотстал, улыбнулся нам светло и беззащитно.

– Брат Кадфаэль, – сказал я, – ты с кем предпочитаешь общаться: с женщинами или собаками?

Брат Кадфаэль даже отшатнулся, все понятно, я кивнул, сказал понимающе:

– Ты прав. Женщина – полная противоположность собаке: собака все понимает, но ничего сказать не может…

Альдер вздернул бровь, вдумываясь и запоминая, но ничего не сказал, и мы, пустив коней в галоп, обогнали повозку и понеслись по утоптанному тракту.

Дорога, словно река из расплавленного золота, прожгла русло в цветущей зелени, углубилась в почву двумя глубокими колеями. При каждом шаге вздымалась тончайшая желтая пыль, долго висела в воздухе, оседая на одежде и лицах тех, кому выпало ехать следом.

Дважды видели небольшие села, что расположились в излучинах небольшой речушки, на опасливом удалении от леса. Хоть и далеко бабам ходить за сучьями, грибами и ягодами, а мужикам – возить бревна, зато и лесному зверю надо выйти на открытое место, чего звери не любят. К тому же оба села, как я сразу заметил, окружены рвом и ловчими ямами.

Дорога, кстати, быстро истончалась, несколько раз вообще пропадала в траве. Дальше лежит то, что в моих краях называлось Диким Полем, где вольно гуляли запорожские казаки, крымские татары, ногайцы, куда редко забирались отряды польских магнатов, но искали славы герои-поединщики, начиная от хазарских времен и кончая «лыцарями» из Сечи.

Сходство еще и в том, что и здесь немерено дичи, в реках видимо-невидимо рыбы, в плавнях не протолкнуться от птицы, в лесах бродят могучие стада туров и зубров, диких свиней,

оленей, ветви деревьев гнутся под тяжестью гнезд сытых птиц, а пчелы переполняют душистым медом дупла деревьев.

Такая вот степь, перемежаемая участками леса, тянется, как говорят, на сотни, если не тысячи миль, где переходит в Высокие Холмы. А дальше вообще надо одолеть непростой перевал через горную цепь, чтобы снова попасть в цветущую долину, уже действительно южную: тамошние жаркие ветры, ударившись в горную гряду, возвращаются обратно, так что там, по слухам, вовсе не бывает зимы.

Здесь же пока что земля самая что ни есть благодатная: множество ручьев, рек и речушек, а холодные ключи бьют из-под земли чуть ли не через каждые полмили. Альдер уверял, что на каждую милю найдется десяток ключей. Их можно увидеть издали, присматриваясь к деревьям или внезапно буйной и сочной зелени.

По этой дикой земле легко проходят в любую сторону воинские отряды, особенно если помимо конников и ратников еще есть и лучники. Кони всегда находят сладкую траву и свежую воду, люди стреляют дичь, а вот небольшие отряды уже рискуют. Еще больше рискуют одиночки, однако именно одиночек и привлекает такое Дикое Поле: есть где сразиться с такими же искателями приключений, единоборцами.

Пес унесся далеко вперед, исчез, затем я видел его черную голову справа, и через секунду – за четверть мили слева, он гонял толстых птиц с красными крыльями, что не желали улетать далеко и тут же садились обратно, что лишь раззадоривало азартного Бобика. Во все стороны простор, лишь изредка проплывают мимо стайки рассыпающихся скал или же кучки деревьев, город далеко позади, мы в Диком Поле, где только один закон – закон сильного, однако сегодня со мной Альдер и Ревель, крепкие и надежные, хотя и себе на уме, опасаться стоит только Грубера, которой еще и барон Дикого Поля, а также эрл чего-то там и владетель еще чего-то. Словом, такая шишка, которой я могу только сапоги чистить.

Я посматривал по сторонам, однако признаков конного отряда пока нет. Более того, их не замечал и Альдер, следопыт из него получше, чем из меня. Ревель сказал гордо, что у нас лучшие в мире кони, никто не догонит, однако Клотар напомнил, что мы едем как раз по такому краю, куда за покупками съезжаются все лошадники. Наши прежние кони выглядят клячами рядом с нынешними, но ведь и Грубер тоже из этого края. Я еще в тот первый день, когда мы схлестнулись на улице, обратил внимание на их дивных коней.

И еще Клотар сказал однажды с беспокойством:

– У Грубера слишком много причин, чтобы снарядить в погоню за нами целое войско. Мы увозим его невесту, а это и богатство, и огромные земли Маркварда…

Альдер прервал презрительно:

– Клотар, ты был простолюдином, им и помрешь, хоть и командуешь всеми силами Маркварда! Грубер – рыцарь, а для рыцаря нет большего оскорбления, чем быть битым на виду у всех. Такие оскорбления смываются только кровью. А невесты, земли, богатства… что они для благородного рыцаря?

Клотар хмыкнул, но спорить не стал, а я еще больше уверился, что человек он опасный. Мог бы возразить и доказать, что Грубер не такой уж и рыцарь, как распространяет о себе слухи, но… не стал. Что-то придерживает при себе.

К полудню кони устали, я приметил такое же одинокое дерево посреди степи, инстинктивно предпочитаю подобные места, чтобы никто не подгребся неслышно и незаметно, хотя Клотар резонно доказывал, что лучше ночевать в чаще, там нас заметить труднее.

Альдер и Ревель умело разожгли костер, со сноровкой разделывают дичь, да и вообще все у них получается умело и без суеты. В то время как Клотар садился обедать с конюхом, эти двое держатся ближе ко мне, но все же образуют одну малую команду в составе более крупной. Я присматривался к ним, понятно, что оба будут в первую очередь прикрывать спины друг друга, а уже потом наши.

– Ревель, ты возвращаешься с какой-то войны или так и подрабатываешь охранником караванов?

– Подрабатываю, – признался он. – Что делать, уже лет двадцать мечтаю стать управляющим хотя бы крохотного хозяйства. Лучше бы целого замка… хе-хе, но не с моим рылом на такое, а вот малое хозяйство – самое то, что нужно ветерану, вышедшему на покой.

Альдер иронически щурился, я поинтересовался:

– А ты долго собираешься идти с мечом по жизни? Вот даже Клотар подумывает на покой!

Альдер сдвинул плечами.

– Мало ли что я мечтал по юности. Как раз грезил когда-то именно о своем небольшом хозяйстве… В смысле я – хозяин, а такой вот надежный, вроде Ревеля, – управитель… Но я видел, как многие, кто мечтал куда меньше и скромнее, не доживали даже до седых волос. Так что лучше не мечтать попусту, а делать дело.

– Да, – согласился я. – Кто мечтает, тот мечтает зря, а кто делает дело, того удача сама находит и бросается на шею.

Пока обедали, Альдер рассказал кое-что забавное про людей и места, где нам ехать, Ревель рассказал смешную историю про двух рыцарей и заблудившуюся в лесу монахиню, а когда подошла очередь до меня, я приспособил несколько анекдотов, стараясь выбирать попроще, однако и те пришлось растолковывать. Потом Альдер запел, Ревель подхватил, я этих песен никогда не слыхал, а когда они попросили спеть что-нибудь из песен моего народа, я порылся в памяти и спел пару песен о войне, потом о любви.

Они слушали зачарованно, за спиной послышались всхлипывания. Я обернулся, удивленный, это Женевьева рыдала и терла кулаками глаза. На меня посмотрела почти с ненавистью.

– Что у вас за песни?.. Вы кто?

– Хороший ученик, – ответил я с неловкостью. – Плохие песни забываются, хорошие застревают в голове. Разве не так?

– Так, – огрызнулась она. – Но почему хорошие песни знают.. не только хорошие?

– А память от хорошести не зависит, – объяснил я благодушно. – Память в голове, хорошесть – в сердце.

Альдер попросил:

– Ваша милость, спойте что-нить еще!

Я подумал, пробормотал:

– Если моя память мне ни с кем не изменяет, то я вспомню… Ага, вот всплыло… увы, кверху брюхом. А вот это вполне, вполне…

– Да хоть и кверху, – поторопил Альдер. – Я таких песен никогда не слышал!

Леди Женевьева фыркнула, отсела и сделала вид, что занимается рукодельем, как надлежит благовоспитанной леди.

Я спел, потом еще и еще. Певец из меня хреновый, но когда за твоей спиной шедевры ряда веков, когда каждый день слушал сотни песен, от седого ретро до ньютехнодрэка, то я собрал бы здесь все призы на юрмалах и евроконах.

Альдер слушал, покачивал головой. Я читал в его выпуклых глазах: да, не родились вы рыцарем, ваша милость. Но когда только успели побывать… еще и этим?

Я вздохнул, поднялся.

– Зайчик, ко мне!

Свистнул, далеко на опушке леса застыла черная, как вырезанная из эбонита, фигурка коня. Пес воспользовался моментом и с силой ударил грудью в бок, но Зайчик только пошатнулся. В следующее мгновение он тряхнул гривой и понесся в нашу сторону.

Мчался неспешно, красивым аллюром, сильно выбрасывая в сторону ноги. Хвост и грива развеваются по ветру, при каждом скачке слегка взлетает в воздух, очень грациозно, как будто переливается быстрой волной. Альдер и Ревель, даже Клотар любовались прекрасным животным, а я, дитя другого времени, подумал о том, как это конь слышит мой свист, если я едва шевельнул губами?

Альдер сказал с восторгом:

– Если бы не черный, цены бы ему не было!

– А что черный, – спросил я уязвленно, – разве не самые быстрые – вороные?

– Да, но вам, сэр Ричард, больше пристало бы на белом коне! Как паладину.

Я отмахнулся.

– Я белый рыцарь на черном коне. И вообще, у моего черного коня – душа белая. В то время как у некоторых белых людей – души чернее сажи.

Альдер хохотнул, толкнул Ревеля в бок.

– Смекаешь, о ком сэр Ричард сказал?

Ревель чуть-чуть растянул губы. Он все еще держится сдержаннее всех, медленно вживается в отряд, но исполнительный, работоспособный, никогда ничего не забывает и вообще кажется мне надежным и даже очень хозяйственным.

– Сэр Ричард, – сказал он осторожно, – что-то конь в упряжке захромал. Надо успеть в город затемно.

– Захромал? – переспросил я. – А что же конюх молчит?

– Он собирался сказать…

– Что ж не сказал? Кони – его забота. Не нравится мне это, все-таки коней Марквард дал подготовленных для долгой дороги. Ладно, проехали. За всем не уследишь. Запрягайте коней, выступаем!

Мы с Альдером едем впереди, Клотар и Ревель по обе стороны повозки, а брат Кадфаэль на муле тащится сзади. Пес держится некоторое время с нами, но слишком много выпархивающих из-под лап и копыт птиц, убегающих зайцев, и он убегал настолько далеко, что даже я начинал беспокоиться, Альдер же многозначительно покашливал и делал скорбное лицо.

Он раньше меня заметил нечто впереди, насторожился, привстал в стременах.

– Дымок…

– Костер? – спросил я. – Ну и что, люди трапезничают.

– Не прямо же на дороге!

Переглянувшись, мы пустили коней в галоп. Я обогнал сразу же, впереди появилось темное пятно, стремительно разрослось и превратилось в обломки догорающих повозок. На дороге жалобно кричала и билась в агонии тяжело раненная лошадь, всюду трупы в лужах крови. Двое сумели ускользнуть в густую траву, но и там их догнали и зверски добили, я видел с рослого коня истоптанную и залитую кровью траву под изуродованными телами.

Повозок три, если судить по глубоким колеям из-под их колес, везли нечто тяжелое, но вряд ли разбойники сожгли товары вместе с повозками.

Мы объехали вокруг, в траве отыскали тела молодой женщины и мальчишки лет семи. Над обоими еще и поглумились. Женщина совершенно голая, вся в кровоподтеках. Насиловали наверняка многие, а потом, натешившись, отрезали груди и вспороли живот снизу и до пупка. Мальчишке отрезали гениталии, вспороли живот.

– С мужчинами можно поступать по-всякому, – хмуро сказал Альдер, – особенно когда допытываешься, где клад зарыл или с каким словом можно пройти в крепость… Но тех, кто так с женщинами… я бы сам жег на медленном огне. Но сперва бы заживо снимал шкуры!

Я оглядел догорающие повозки.

– Такое надо показывать горожанам почаще, – сказал я, – чтобы не орали, что цены на товары высокие, что проклятые купцы наживаются! Вот попробовали какие-то несчастные снизить себестоимость, взяв охраны поменьше…

– Это верно, – согласился Альдер. – Простой народ не понимает, что непросто привезти заморский товар, да еще платить на границах каждого баронства за топтание земель.

Застучали копыта, повозка не просто несется к нам, а летит, кони стелются в стремительном беге. Леди Женевьева высунула голову и смотрела в нашу сторону. Возница нахлестывал коней, а когда оказался возле нас, резко натянул вожжи.

– Тпру!.. Что случилось?

Я сказал зло:

– Да вот тут некие разбойники развлекались!

Леди Женевьева сказала быстро:

– Это не Грубер!.. Это не Грубер!

Я сдвинул плечами.

– Не знаю вашего Грубера, потому я ни на кого не киваю. Но вам виднее, раз уж вы в первую очередь подумали о нем.

Ее щеки зарумянились, дверца распахнулась, Альдер соскочил и подал ей руку, опередив Клотара. Я не стал смотреть, кивнул Клотару.

– Слышал, что она сказала?

Он буркнул с неприязнью:

– Да.

– И что думаешь?

Он заколебался, сказал угрюмо:

– Это в городах есть какая-то власть… а в Дикой Степи всяк сам себе хозяин.

– Значит?

Он сказал еще неохотнее:

– Не буду ничего говорить. В Степи все чувствуют полную свободу.

Я кивнул.

– Понятно. Этого достаточно. Я примерно вижу, как воспользуется полной свободой брат Кадфаэль и как воспользуется этот барон-разбойник.

Он смотрел на меня ничего не выражающими оловянными глазами, мол, ни за что не угадаешь, как воспользовался бы свободой я, а я кивнул подъехавшему Кадфаэлю, он сразу же ухватил книгу и бросился читать молитвы по убитым.

Я сам подъехал к леди Женевьеве, что слишком приблизилась к месту, где нашли женщину с мальчишкой.

– Леди, – сказал я резко, – возвращайтесь!

Она окрысилась, спина прямая, настоящая красавица испанка, донна белла, или как их там:

– Что?.. Почему вы мне приказываете?

– Потому, – сказал я еще резче, – не хочу, чтобы вы все здесь обблевали! Быстро, поворачивайтесь! К повозке…

Но она уже увидела, охнула, сделала три торопливых шага и оказалась прямо над женщиной. Над трупами стоял на коленях брат Кадфаэль и читал заупокойную. Леди Женевьева побелела, несмотря на смуглую кожу, прижала руки ко рту.

– Что, – сказал я грубо, переводя огонь на себя, – отпечатки знакомых сапог увидели?.. Возвращайтесь.

Последние слова я, как ни старался, произнес все же мягко. Она всхлипнула и побрела обратно.

Глава 11

Солнце опускалось за край леса, когда мы проехали, заплатив пошлину, через городские ворота. Постоялых дворов оказалось сразу три, что правильно: должна быть конкуренция, бей монополистов. Мы выбрали лучший, у меня есть чем платить, да и, если честно, всегда было, спасибо заветному амулету. Разместили коней, сложили вещи в комнатах и заперли, Ревель, как самый хозяйственный, за это время побывал в нижнем зале, велел накрыть стол в отделении для благородных, и, когда мы спустились, слуги как раз расставляли последние кувшины с вином и чаши.

Леди Женевьева на этот раз не изволила отсиживаться в своей комнате и дуться, пришла в сопровождении Клотара, а в ее комнате оставили охранять вещи конюха.

На ужин подали великолепный мясной суп, только от запаха одуреть можно, жареную птицу, яичницу с ветчиной, печеную рыбу, множество сладостей, мы сперва утоляли голод, затем просто ели с аппетитом, потом смаковали, не в силах оторваться от мастерски приготовленных блюд.

В огромном зале около трех десятков столов, две трети заполнены, воздух пропитан тяжелыми запахами еды и вина, но мы под стеной, где окно прямо над столом, свежий ночной воздух разгоняет нечистые ароматы.

Клотар внезапно всхрюкнул, сделал движение привстать, да так и застыл в такой позе и с вытаращенными глазами. Я сидел боком ко входу в зал, повернул голову и увидел, как через порог переступил Грубер. Без доспехов, в ярком синем камзоле, расшитом золотыми цветами, он выглядел великолепным красавцем любовником, по которым сохнут домохозяйки. Узкий пояс подчеркивает тонкую талию, лицо чисто выбрито, пара свежих шрамиков подчеркивает мужественный загар и белые зубы.

С ним вошли трое матерых и загорелых дочерна воинов. Все в кирасах, у двух еще и кольчуги, а у третьего под кирасой кожаный камзол, прошитый металлическими нитями. Все с короткими мечами у поясов и, как и Грубер, без головных уборов. Они сели за ближайший стол у входа, и, пока один заказывал ужин, остальные не отрывали от нас взглядов.

Заприметив такого богато разодетого красавца, к нему заспешил хозяин, изогнулся в поклоне.

– Красавец, – заметил Альдер. – Только слишком ярко…

Леди Женевьева вспыхнула как маков цвет, смотрела восторженными глазами на барона-разбойника. Я буркнул:

– На вкус и цвет дуракам закон не писан.

Альдер хмыкнул.

– Везде по одежке встречают, коли рожа крива.

Грубер сразу же направился к нам и бесцеремонно сел по ту сторону стола. Я нахмурился, но не успел сказать слова, как он со сладчайшей улыбкой обратился к Женевьеве:

– Моя дорогая!.. Рад, что ты пригласила меня к вам за стол.

Клотар дернулся, быстро взглянул на меня, мы этого гада не приглашали, я смолчал, Женевьева сияет, смотрит на барона-разбойника с обожанием, и, если мы его попрем без очень веских доказательств, что он сволочь, эта дура возненавидит нас еще больше, а нам это надо?

– Надеюсь, сэр Ричард, – сказал он по-свойски, – мы с вами еще скрестим копья на турнире в Каталауне.

– Тоже надеюсь, – ответил я нейтральным голосом.

– Жаль только, – ответил он, – что не могу пригласить вас на свадьбу с леди Женевьевой. Будет только малый круг наших общих друзей… а вы в него не входите.

Я ответил мирно:

– Не думаю, что ваша свадьба состоится.

Он засмеялся.

– Да? Женевьева, скажи им.

Она повернула ко мне сияющее лицо и сказала дерзко:

– Я выхожу за барона Грубера замуж.

Клотар стиснул кулаки, Альдер нахмурился. Все ждали моего слова, я кивнул.

– Я всегда на стороне тех, кто бунтует против деспотической власти родителей. Так что я целиком… да, целиком. Но мы обещали отвезти Женевьеву к королевскому двору. Или к герцогскому? Впрочем, это неважно.

Грубер сказал легко:

– Не волнуйтесь, я снимаю с ваших плеч эту тяжкую для вас и такую приятную для меня ношу. После свадьбы я сам отвезу туда мою жену… если она, конечно, захочет.

За столом, где расположились его соратники, поигрывали ножами для разделки жаркого и поглядывали на нас с победными улыбками. Я тоже улыбнулся, развел руками.

– Тоже решение. Хорошее решение.

Клотар и Альдер смотрели на меня с недоумением. Клотар наконец спросил неприятным голосом:

– Что… вы предлагаете передать ее барону?

Лицо его начало медленно наполняться тяжелой кровью. Он задышал чаще, ладонь поползла к рукояти меча. Я пожал плечами.

– Почему нет? Баба с воза – кобылу в… Деньги и коней мы уже получили. Так что пусть забирает. Не скажу, что был счастлив от ее присутствия. Правда…

Они четверо сияли, только Клотар, несмотря на растущий гнев, что-то уловил, остановил пальцы на рукояти меча, спросил настороженно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.